

ВОПРОСЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

№ 3 (77)
2020

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия. Рег. ПИИ № ФС77-29366 от 23.08.2007. Выходит с 2005 г. Издается 4 раза в год

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Главный редактор:

Автономов Алексей Станиславович,
доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Зыков О.В., к.мед.н., доцент (шеф-редактор);

Предеина И.В., к.ю.н.

(заместитель главного редактора);

Альтшулер Б.Л., к.физ.-мат.н.;

Карнозова Л.М., к.психол.н.;

Королев С.В., д.ю.н., профессор;

Марков И.И., заслуженный юрист РФ;

Марковичева Е.В., д.ю.н., доцент;

Нарутто С.В., д.ю.н., профессор;

Николок В.В., д.ю.н., профессор;

Панченко В.Ю., д.ю.н., доцент;

Плоцкая О.А., д.ю.н., доцент;

Ростовская Т.К., д.социол.н., профессор;

Сердюк Л.В., д.ю.н., профессор;

Тропина Л.И., заслуженный юрист РФ;

Хананашвили Н.Л., к.ю.н.;

Хисматуллин Р.С., д.ю.н., профессор;

Цымбал Е.И., к.мед.н.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В.,

д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

Зам. главного редактора ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Редакция:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Тел. / факс: (495) 953-91-08, 953-77-94

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

Тел. / факс: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Подписка по России:

Объединенный каталог. Пресса России — 91888.

Адрес издательства / редакции:

115035, г. Москва, Космодамианская наб.,

д. 26/55, стр. 7.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Содержание номера

ТЕОРИИ

3 Сердюк Л.В., Сердюк П.Л.

О проблеме защиты семьи от бытового насилия с помощью закона

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

7 Хисматуллин Р.С. Законное, обоснованное и гуманное судебное рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних — реальная гарантия дальнейшего обеспечения защиты прав и свобод граждан

11 Марковичева Е.В., Шатрова А.В.

Проблемы судебного разбирательства о применении принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним

15 Машинская Н.В.

Практика применения альтернативных уголовному наказанию мер в отношении несовершеннолетних

19 Авдеева Е.В.

Основные направления повышения эффективности назначения несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы

23 Кируша Г.Н.

Роль педагога и психолога при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

27 Смирных С.Е.

Правовое положение детей-солдат в меняющемся миропорядке

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2. Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Печ. л. 4.

Общий тираж 2500 экз. Цена свободная.

Подписан в печать 28.07.2020. Номер вышел в свет 05.08.2020.

ISSN 2072-3695

ISSUES OF JUVENILE JUSTICE

No. **3 (77)**
2020

Registered at the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and Protection of Cultural Heritage. Reg. PI No. FC77-29366 August 23, 2007. Published since 2005. Published bimonthly with 4 issues a year.

Founder: Jurist Publishing Group

Editor in Chief:

Avtonomov Alexey Stanislavovich,
LL.D., Professor

Editorial Board:

Zykov O.V.,
PhD in Medicine, Associate Professor
(Editorial Director);

Predeina I.V.,
PhD (Law)
(Deputy Editor in Chief);

Al'tshuler B.L., PhD in Physico-Mathematical Sciences;

Kamazova L.M., PhD in Psychology;

Korolev S.V., LL.D., Professor;

Markov I.I., Honored Lawyer of the Russian Federation;

Markovicheva E.V., LL.D., Associate Professor;

Narutto S.V., LL.D., Professor;

Nikolyuk V.V., LL.D., Professor;

Panchenko V.Y., LL.D., Associate Professor;

Plotskaya O.A., LL.D., Associate Professor;

Rostovskaya T.K., Doctor of Sociology, Professor;

Serdyuk L.V., LL.D., Professor;

Tropina L.I., Honored Lawyer of the Russian Federation;

Khananashvili N.L., PhD (Law);

Khismatullin R.S., LL.D., Professor;

Tsy'mbal E.I., PhD in Medicine

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V.,
LL.D., Professor, Corresponding Member of the RAE,
Honored Lawyer of the RF

Deputy Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E'.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.
Tel. / fax: (495) 953-91-08, 953-77-94
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:
Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

Subscription in Russia:
Unified catalogue. Russian press — 91888

Address publishers / editors:
Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

**Recommended by the Higher Attestation
Commission under the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation for
publication of basic results of PhD and doctor theses.**

© NAN, Jurist Publishing Group, 2020

Contents

THEORIES

3 Serdyuk L.V., Serdyuk P.L.

On the Issue of the Legal Protection of a Family
from Domestic Violence

CRIMINAL LAW AND PROCEDURAL ASPECTS

7 Khismatullin R.S.

Legal, Justified and Humane Judicial Review
of Cases Related to Minors: A Real Guarantee
of Further Support of Protection of Civil Rights and Freedoms

11 Markovicheva E.V., Shatrova A.V.

Issues of Judicial Proceedings Related to the Application
of Coercive Medical Measures to Minors

15 Mashinskaya N.V.

The Practice of Application of Measures Alternative
to Criminal Punishment in Respect of Minors

19 Avdeeva E.V.

The Main Areas of Raising the Efficiency
of Imposition of Punishment in the Form
of Imprisonment to Minors

23 Kirusha G.N.

The Role of a Teacher and a Psychologist
in Carrying Out of Investigative Actions
Involving a Minor

INTERNATIONAL LAW ASPECTS

27 Smirnykh S.E.

The Legal Position of Child Soldiers
in the Changing World Order

Printed by LLC National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031. Tel.: (4842) 70-03-37.
Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet 4.0.
Circulation 2500 copies. Free market price.
Passed for printing: 28.07.2020. Edition was published: 05.08.2020.
ISSN 2072-3695

О проблеме защиты семьи от бытового насилия с помощью закона

Сердюк Леонид Васильевич,

профессор кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
leonid-pro@mail.ru

Сердюк Павел Леонидович,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
pavel.ser@mail.ru

Проводится анализ негативных последствий семейного насилия по отношению к проблеме сохранения семьи и нормальному воспитанию детей, а также обсуждается возможность защиты семьи от бытового насилия с помощью закона или общественных мер. Делается вывод о том, что жестокое обращение с детьми и родительское невнимание к ним — два противоположных фактора неверного воспитания детей в семье, но с одинаковым негативным результатом, когда дети уходят из дома. Решение проблемы борьбы с семейным насилием не в суровости административного или уголовного наказания насильника, а в предупреждении насилия в форме медиации в момент появления конфликта на основании ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации*.

Ключевые слова: защита семьи, семейно-бытовое насилие, конфликты в семье, защита детей от насилия, правовое воспитание.

On the Issue of the Legal Protection of a Family from Domestic Violence

Serdyuk Leonid V.

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
LL.D., Professor

Serdyuk Pavel L.

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
PhD (Law)

The analysis of the negative consequences of domestic violence in relation to the problem of maintaining the family and the normal upbringing of children is carried out, as well as the possibility of protecting the family from domestic violence using the law or public measures. The conclusion is made that child abuse and parental neglect are two opposite factors of the incorrect upbringing of children in the family, but with the same negative result when the children leave home. The solution to the problem of combating domestic violence is not in the severity of the administrative or criminal punishment of the rapist, but in the prevention of violence in the form of «mediation» at the time of the conflict based on Art. 76 of the Criminal Code.

Keywords: family protection, domestic violence, family conflicts, protection of children from violence, legal education.

В разные эпохи и в разных странах вопрос о защите семьи от бытового насилия ставился и на государственном, и на общественном уровнях. Несмотря на то, что в ряде стран такой закон существует, фактически проблема защиты семьи от насилия до сих пор не решена. Есть большие сомнения, что она будет когда-нибудь решена до конца по той простой причине, что

семья находится за семью замками и от общества, и от самого государства. Вмешательство в семейные отношения извне редко приводит к положительному результату даже при самых благих намерениях. Несмотря на то, что этой проблеме в науке посвящено много работ, тема защиты семьи от внутрисемейного насилия не утрачивает актуальности. Особенно остро проблема

* Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

семейного насилия связана с воспитанием детей, которые часто становятся заложниками в конфликтных ситуациях родителей.

Говоря о семейном насилии, прежде всего, надо отметить многообразие в юридической литературе понятий самого насилия и его правовых оценок. Например, Ф. Ницше обосновывает позицию о закономерности и даже полезности насилия в обществе, начиная от насилия международного уровня до насилия каждого человека к самому себе, «изгоняя лень, смирение, нигилизм и другие собственные психологические пороки»¹. Фактически этот автор признавал под словом «насилие» любое воздействие на человека, совершенное против или помимо его воли.

Подобной позиции при определении насилия придерживаются и некоторые другие современные криминологи. Например, в одной из своих ранних работ А.В. Наумов писал: «Насилие (включая его крайние проявления при необходимой обороне) является правомерным. Последнее позволяет не сводить насилие только к общественно-опасным и противоправным его проявлениям»².

Мы не можем поддержать эту позицию, так как тогда нужно было бы признать насильницей и женщину, которая отбивается от насильника. Это имеет прямое отношение к семейно-бытовому насилию, где чаще всего именно женщина выступает в роли потерпевшей.

Если говорить о правовом, а не о бытовом понятии насилия, то, видимо, следует согласиться с В. Далем, который определяет насилие как «действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное»³. Главными признаками здесь следует признать незаконность действий при насилии и их умышленный характер. Тем более не могут быть признаны насилием действия человека, направленные на причинение физического вреда самому себе в виде так называемой аутоагрессии.

Конфликты в семье на протяжении веков фактически были вне общественного или государственного вмешательства, оставаясь частным делом самих членов семьи. Ответственность за побои в семье, как правило, всегда относилась к делам частного обвинения при наличии заявления потерпевшего. Причинение психических травм, наносимых членам семьи семейным деспотом, вообще никогда не рассматривалось как результат насилия в связи со сложностью их правовой оценки и доказывания. Даже оскорбления и клевета в семейных отношениях не являются исключением, оставаясь в рамках семейных отношений.

Американский профессор В. Фокс замечал, что в семьях с напряженными отношениями один или не-

сколько ее членов используют других, «едят», чтобы получить эмоциональное удовлетворение «путем ворчания, увещевания, демонстрации праведного негодования, чрезмерной обидчивости и в иных формах агрессивного поведения». «В то же время, — писал он, — многие молодые семьи постоянно дерутся и абсолютно счастливы». Насилие, по его мнению, обновляет и даже усиливает чувства молодых супругов⁴.

Разумеется, такие отношения вполне можно допустить до рождения ребенка, который уже своим появлением диктует совершенно другие правила поведения в семье. Эти правила не требуют их оформления в закон. Они должны воспитываться в каждом человеке в процессе формирования его личностных качеств с детства — и, главное, на примере поведения своих родителей. Без этого воспитания любой закон может оказаться бессильным и даже вредным для семейных отношений, так как семейные отношения строятся на чувствах, а их нельзя диктовать законом.

Характеризуя роль женщины при насилии в семье, Ю.М. Антонян вообще, на наш взгляд, сгущает краски, когда утверждает, что «убийства и телесные повреждения — характерная черта преступности женщин, так как они склонны решать возникающие конфликты с помощью грубой силы. Этот вывод, — пишет он, — важен для оценки современного состояния данного вида преступности, да и нравственного состояния общества в целом»⁵.

Думается, такая характеристика семейных насильников гораздо больше подходит к мужчине. Вполне можно согласиться с мнением В.А. Калиновского, который в одной из статей пишет: «Преступное поведение женщины в ряде случаев детерминировано проявлением мужем или сожителем неуважения к ней и детям, постоянными ссорами, побоями, сексуальными домогательствами, нежеланием работать. Поэтому неустрашенность семейного положения женщины представляет большую социальную проблему»⁶.

Характеризуя семейно-бытовое насилие, надо отметить, что главный показатель причиняемого вреда при этом относится к нравственному и физическому здоровью детей. У ребенка формируются соответствующие личностные качества в виде агрессии и жестокости. Именно в этом основной негативный результат семейных конфликтов. Отсюда следует вывод о том, что данные личностные свойства человека имеют социальные корни.

А. Волкова делала вывод, что в основном неблагоприятная обстановка в семье приводит к тому, что дети убегают из дома и кончают жизнь самоубийством. «Дети, пережившие насилие, испытывают трудности в соци-

¹ Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 556.

² Наумов А.В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997. С. 56. Подобной позиции придерживаются также: Антонян Ю.М., Бойко И.Б., Верещагин В.А. Насилие среди осужденных. М., 1994. С. 66.

³ Даль В. Толковый словарь. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1956. С. 469.

⁴ Фокс В. Введение в криминологию. М., 1985. С. 215.

⁵ Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М.: Российское право, 1992. С. 33.

⁶ Калиновский В.А. Понятие убийства на бытовой почве и особенности его совершения женщинами // Право и политика. 2009. № 7. С. 1597.

лизации и часто не могут быть полноценными членами общества⁷, — писала автор.

Сегодня положение с детьми мало изменилось. По материалам Коллегии МВД, в марте 2017 г. в детских домах находилось 72 тыс. несовершеннолетних и 523 тыс. были распределены в приемные семьи. В докладе Министра МВД РФ названо 218 тыс. родителей, попавших в поле зрения правоохранительных органов, не исполняющих свои обязанности по воспитанию детей, а в 84 тыс. семей применялось насилие к детям. «Вместе с тем, — отметил Министр, — даже незначительное психологическое или физическое насилие может спровоцировать суицидальное поведение подростка, проявление им агрессии и жестокости». Было отмечено 700 случаев суицида в течение предыдущего года⁸. Этот последний факт вполне обоснованно явился причиной усиления уголовной ответственности (ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее — УК РФ) за склонение к суициду и его организацию в электронных средствах массовой информации.

В России закон о защите семьи от насилия до настоящего времени находится в виде проекта. В то же время следует отметить положительное действие такого Закона «О профилактике бытового насилия»⁹, который был введен в действие в Казахстане в 2013 г. На презентации этого закона в качестве его обоснования было сказано, что «более трети всех зарегистрированных семейно-бытовых насильственных преступлений совершено в отношении женщин. Около 30% преднамеренных убийств совершено родственниками жертв»¹⁰.

По данным исследований М. Байболова после принятия указанного закона, сотрудниками полиции Казахстана вынесено уже более 800 тыс. защитных предписаний в отношении семейных дебоширов, установлено свыше 30 тыс. особых требований к их поведению. В настоящее время на учете органов полиции состоит более 81 тыс. лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками, и наркоманов, из которых свыше 1,5 тыс. в текущем году были направлены на принудительное лечение от алкоголизма. Много внимания уделяется разъяснительной работе среди населения о ненасиль-

ственном поведении с целью воздействия на правосознание и поведение граждан. Для профилактики и пресечения всех форм насилия в отношении женщин в системе органов внутренних дел Казахстана действуют подразделения по защите женщин от насилия. Кроме того, ежегодно проводится республиканская акция «16 дней без насилия в отношении женщин». В рамках акции ведется разъяснительная работа, до граждан доводится порядок оказания помощи жертвам насилия¹¹.

Мы вполне согласны с М. Байболовым в том, что данную проблему невозможно решить только законодательными мерами и сегодня большое внимание должно уделяться воспитанию детей в семье. В детях нужно воспитывать сохранение семейных традиций, уважительное отношение друг к другу и культуру поведения. Проблема бытового насилия — это проблема социальная, и только слаженная работа всех субъектов профилактики позволит достичь положительных результатов в ее решении.

Разницы в статистических показателях семейно-бытового насилия между Россией и Казахстаном почти нет, но, в отличие от России, в указанной республике есть уже значительные общественные и государственные наработки по предупреждению данного вида насилия за период последних семи лет. Замечается определенный опыт и у правоохранительных и общественных органов в борьбе за благополучную семью с нормальным воспитанием детей.

Поскольку в семейном конфликте, как правило, участвуют две стороны, на практике часто возникает проблема определения, чьи действия из этих двух сторон считать насилием, а чьи аналогичные действия отнести к защите. Особенно сложно это бывает определить, когда незаконность действий обоюдна, когда в возникшем конфликте трудно установить правомерную сторону. Часто сам потерпевший является провокатором и инициатором применения насилия. Больше всего, как показывает практика, это относится к женщинам как наиболее эмоциональной и импульсивной стороне конфликта, но стороне более слабой физически.

Кроме того, науке известны не только насильники-агрессоры, но и случайные преступники, т.е. не склонные к насилию, совершающие насильственные преступления под воздействием накопившихся эмоций, вызванных неоднократными неправомерными действиями потерпевшего. Это характерно для семей, где конфликтующие стороны вынуждены жить вместе ради сохранения семьи. Чаще это относится к женщинам, что вполне подтверждает практика семейных отношений.

К случайным преступникам, совершающим тяжкие преступления, Ч. Ломбозо относил «имеющих достаточно высокий интеллект, способных по-настоящему любить, но склонных к внушению, к сильной страсти, не терпящих обмана». Ученый считал, что таких преступников большинство, «у которых формирова-

⁷ Волкова А. Понятие «жестокое обращение с детьми» и его формы // Профессионал. 2000. № 4. С. 25. Надо отметить, что, определяя формы психического насилия над детьми, автор совершенно справедливо наряду с угрозами со стороны близких людей указывает также словесные оскорбления, обвинение в том, в чем не виноват, демонстрацию неприязни.

⁸ Доклад Министра МВД РФ В.А. Колокольцева / Материалы Коллегии МВД РФ от 9 марта 2017 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014>

⁹ Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. «О профилактике бытового насилия» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30525680

¹⁰ См.: Байболов М. Какова профилактика бытового насилия в Казахстане. URL: <https://www.zakon.kz/4975724-kakova-profilaktika-bytovogo-nasilija-v.html>

¹¹ Там же.

ние преступного умысла требует продолжительного времени»¹².

В советский период случайный тип семейных насильников исследовался профессором Ю.В. Голиком. По его определению, случайный преступник — это лицо, совершившее преступление в связи с резким изменением жизненных условий. В эту категорию он включает «женщин-детоубийц, обманутых отцом ребенка, тяжело переживающих свое положение». К другой группе случайных насильников автор относит лиц, «аккумулирующих в себе невысказанные обиды, которые, когда чаша терпения переполняется, выливаются в преступление»¹³.

Как показывает практика, решение проблемы борьбы с семейным насилием — не в суровости административного или уголовного наказания насильника. Это чаще всего только в еще большей степени разобщает семью. По нашему убеждению, решение надо искать в предупреждении насилия в момент появления конфликта. Особенно в семьях, где есть дети. Участковые, работники опеки и инспекции по делам несовершеннолетних должны своевременно выявлять назревающие семейные конфликты и принимать предупредительные меры в форме медиации — определенного законом процесса примирения сторон на основании ст. 76 УК РФ, совершаемого в виде беседы с участием психологов.

Действия в форме медиации должны отличаться от действий закона. Например, от действий представителей государственных органов опеки, которые иногда врываются в семью по непроверенным сигналам и еще больше усугубляют семейный конфликт. Суть в том, что бывает достаточно даже предупреждения или беседы с правонарушителем на доверительной основе, чтобы он изменил свое поведение в семье. Важно только, чтобы выявление семейных правонарушений происходило независимо от инициативы членов семьи, что может существенно усугубить семейные отношения.

При анализе причин и условий тяжких бытовых преступлений, связанных с насилием над личностью в семье при увеличении агрессии и жестокости, нельзя не заметить падение нравственных и культурных качеств определенной части населения. Наблюдается непосредственная связь насилия в семье с увеличением

пьянства, наркомании и безработицы. По-прежнему обращает на себя внимание полное отсутствие условий для социальной адаптации лиц, вернувшихся из мест лишения свободы. Многие из них попадают в экстремальную обстановку выживания, что порождает рост рецидивной преступности, в том числе насильственного характера.

Практика показывает, что большинство семейных преступлений возникает на почве обоюдных конфликтов (семейных ссор): из-за детей — до 18%; на почве совместных употреблений спиртных напитков — до 60%, по иным мотивам (ревность, неустроенность быта, ненависть и др.) — 22%. Но основной вред семейное насилие причиняет детям — и не только жестокостью по отношению к ним. Часто в таких случаях происходит отчуждение ребенка от семьи в результате недостаточного к нему внимания со стороны родителей и других родственников. Подобные факты, как правило, происходят в семьях, где родители — алкоголики или наркоманы. Фактически дети в таких семьях находятся в группе риска. Психологическое отчуждение ребенка от семьи ученые называют крайней формой «социальной аномии»¹⁴.

Практика показывает, что именно социальная аномия подростков формирует в России армию беспризорников, и с этим криминологи связывают возникновение преступных групп. Отвергнутый в семье человек находит в группе себе подобных понимание и поддержку или просто замену семье.

Можно сделать вывод, что причины бытового насилия не коренятся в каком-то одном социальном явлении, а формируются из объективных и субъективных условий жизни общества и семьи. Конфликты в семье воспроизводятся в будущих семьях самой семьей, а также недостаточным вниманием государства к обеспечению правового воспитания детей в школах. Жестокое обращение с детьми и родительское невнимание к ним — два противоположных фактора неверного воспитания детей в семье, но с одинаковым негативным результатом. Именно эти факторы лежат в основе необходимости принятия государством действенных мер по предупреждению семейного насилия с внедрением метода медиации и правового воспитания для обеспечения нормального развития нового поколения.

¹² Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. Ростов-на-Дону, 1997. С. 497.

¹³ Голик Ю.В. Случайный преступник. Томск, 1984. С. 76.

¹⁴ См.: Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 61–63.

Литература

1. Антонян Ю.М. Насилие среди осужденных: учебное пособие / Ю.М. Антонян, И.Б. Бойко, В.А. Верещагин. Москва: ВНИИ МВД РФ, 1994. 117 с.
2. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин / Ю.М. Антонян. Москва: Российское право, 1992. 252 с.
3. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. Москва: Юрист, 1996. 335 с.
4. Байболов М. Какова профилактика бытового насилия в Казахстане / М. Байболов. URL: <https://www.zakon.kz/4975724-ka-kova-profilaktika-bytovogo-nasiliya-v.html>.
5. Волкова А. Понятие «жестокое обращение с детьми» и его формы / А. Волкова // Профессионал. 2000. № 4. С. 24–25.
6. Голик Ю.В. Случайный преступник / Ю.В. Голик. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 166 с.

7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах / В. Даль. Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.
8. Калиновский В.А. Понятие убийства на бытовой почве и особенности его совершения женщинами / В.А. Калиновский // Право и политика. 2009. № 7. С. 1596–1602.
9. Ломбразо Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломбразо. Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. 544 с.
10. Наумов А.В. Уголовно-правовое значение насилия / А.В. Наумов // Насильственная преступность / под редакцией В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. Москва : Спарк, 1997. 138 с.
11. Ницше Ф. Сочинения. В 2 томах / Ф. Ницше ; составитель, редактор и автор примечания К.А. Свасьян. Т. 1 / перевод с немецкого Я. Бермана [и др.]. Москва : Мысль, 1990. 831 с.
12. Фокс В. Введение в криминологию : перевод с английского / В. Фокс ; под редакцией и со вступительной статьей Б.С. Никифорова, В.М. Когана. Москва : Прогресс, 1985. 312 с.

Законное, обоснованное и гуманное судебное рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних – реальная гарантия дальнейшего обеспечения защиты прав и свобод граждан

Хисматуллин Рашит Сагитович,

профессор кафедры уголовного права и процесса

Института права Башкирского государственного университета (БашГУ),

почетный судья Верховного Суда Республики Башкортостан,

государственный советник юстиции 3-го класса,

заслуженный юрист Республики Башкортостан,

доктор юридических наук, профессор

bashrsh@mail.ru

В научно-исследовательской статье автором рассматриваются актуальные проблемы законного, обоснованного и гуманного судебного рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних как реальной гарантии дальнейшего обеспечения защиты прав и свобод граждан. Вносятся предложения по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* (далее — УПК РФ). Как известно, в соответствии с Конституцией Российской Федерации** (далее — Конституция РФ) «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. В Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, детства. В Российской Федерации гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией России. Права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (ст. 2, ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

Согласно УПК РФ, «в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию. Приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании» (ч. 1, 3 ст. 240 УПК РФ).

Более того, «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ).

Как известно, в соответствии с Конституцией РФ «каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о смягчении наказания» (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ).

Ключевые слова: судебное рассмотрение, уголовное дело, несовершеннолетний, исключение доказательств, суд апелляционной инстанции.

* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020, с изм. от 09.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

** Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Legal, Justified and Humane Judicial Review of Cases Related to Minors: A Real Guarantee of Further Support of Protection of Civil Rights and Freedoms

Khismatullin Rashit S.

Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Institute of the Bashkir State University
Honorary Judge of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan, Class 3 State Counsellor of Justice
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan
LL.D., Professor

In the research article, the author considers the current problems of legal, reasonable and humane judicial consideration of cases against minors as a real guarantee of further protection of the rights and freedoms of citizens. Suggestions are being made to improve the Code of Criminal Procedure of Russia. As you know, in accordance with the Constitution of the Russian Federation "Recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms is the duty of the state. State support of the family and childhood is provided in the Russian Federation. Human and civil rights and freedoms are guaranteed in the Russian Federation in accordance with the Russian Constitution "The rights and freedoms of man and citizen determine the meaning, content and application of laws and are ensured by justice. Everyone is guaranteed judicial protection of his rights and freedoms" (Article 2, part 2 of article 6, part 2 of article 7, part 1 of article 17, Art. 18, Part 1 of Art. 46 of the Constitution).

According to the Code of Criminal Procedure of Russia "In a trial, all evidence in a criminal case is subject to direct investigation. A court verdict can only be based on the evidence that was examined at the hearing" (part 1, 3 of article 240 of the CPC).

Moreover, "When administering justice, the use of evidence obtained in violation of federal law is not allowed" (part 2 of article 50 of the Constitution).

As you know, in accordance with the Constitution of the Russian Federation "Every person convicted of a crime has the right to review a sentence by a higher court in the manner prescribed by federal law, as well as the right to request a mitigation of punishment (part 3 of article 50 of the Constitution).

Keywords: judicial review, criminal case, minor, exclusion of evidence, court of appeal.

Выступая в Кремле 15 января 2020 г. с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации¹, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подчеркнул: «Очень важно, чтобы дети восприняли, что семья — это любовь, счастье, радость, что семья — это уважение к старшим и забота о детях.

Поддержка семьи, ее ценностей, детей — это всегда обращение к будущему, к поколениям, которым предстоит жить в эпоху колоссальных изменений, определять судьбу России в XXI веке», — акцентировал Президент России В.В. Путин².

Полагаю, данные точные, конкретные и справедливые слова Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина в полной мере относятся к дальнейшему совершенствованию защиты прав и свобод граждан, особенно — несовершеннолетних, улучшению судебного рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних, модернизации судебной системы, обуславливающих гарантии законного, обоснованного и гуманного судебного рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних как реальной гарантии дальнейшей защиты прав и свобод граждан.

В связи с изложенным полагаю необходимым остановиться на нескольких моментах.

1. Как известно, в соответствии с Конституцией РФ «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. В Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, детства. В Российской Федерации гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией России. Права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (ст. 2, ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

Детализируя и конкретизируя положения и нормы Конституции РФ, УПК РФ установил: «В судебном разбирательстве **все доказательства** по уголовному делу **подлежат непосредственному исследованию. Приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах**, которые были **исследованы в судебном заседании**» (ч. 1, 3 ст. 240 УПК РФ).

Законно, справедливо и гуманно нормы международного права определили, установили и провозгласили, что «Организация Объединенных Наций содействует:

с) всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола,

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. «Послание Президента Федеральному Собранию» // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

языка, религии»³ и *(позволю себе добавить — Р.Х.) и возраста.*

Учитывая изложенное, считаю, что четкое и неуклонное соблюдение и выполнение судом норм и положений Конституции РФ, а также отчетливое и постоянное исполнение норм УПК РФ, регламентирующих судебное рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних, гарантируют и обуславливают дальнейшее обеспечение реальной защиты прав и свобод граждан, особенно — несовершеннолетних.

Более того, многолетний опыт работы судьей автора статьи и анализ судебной практики по делам несовершеннолетних свидетельствуют о том, что «возрастные и нравственно-психологические особенности современных подростков-правонарушителей», а также необходимость и обусловленность дальнейшего совершенствования защиты прав и свобод граждан, особенно — несовершеннолетних, «обуславливают необходимость более конкретных реформ модернизации уголовно-процессуального законодательства, особенно — в области осуществления правосудия по делам в отношении несовершеннолетних»⁴.

2. В научной юридической литературе высказывались утверждение и предложение о том, что «вопрос об исключении доказательств по делу в отношении несовершеннолетнего может быть решен на стадии предварительного слушания, когда **нарушения закона**, которые сопровождали получение доказательств, настолько очевидны, что **не требуют глубокого исследования и ставят под сомнение достоверность этих доказательств**» *(выделено нами. — Р.Х.)*.

Трудно согласиться с подобными утверждением и предложением.

Полагаю, что данные утверждение и предложение противоречат положениям Конституции РФ и УПК РФ, регламентирующим судебное рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних, и не соответствуют этимологическому значению понятий «предварительный», «сомнение», а также существенно снижают реальное обеспечение защиты прав и свобод граждан, и прежде всего — несовершеннолетних.

Детализируя и конкретизируя основные нормы и положения Конституции РФ, УПК РФ определил и установил: «Доказательства, полученные с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса, являются недопустимыми.

К недопустимым доказательствам относятся:

1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и **не подтвержденные** подозреваемым, обвиняемым **в суде**» (ч. 1, 2 ст. 75 УПК РФ) *(выделено нами. — Р.Х.)*.

Кроме того, понятие «**предварительный**» (например, предварительное слушание) этимологически означает «предшествующий» (чему-нибудь) (например, предварительное следствие); неокончательный; такой, после которого еще последует что-нибудь (например, предварительное соглашение). Синонимами понятия «предварительный» являются понятия «неокончательный; подготовительный».

Понятие «**сомнение**» этимологически означает «неуверенность в истинности чего-нибудь, отсутствие твердой веры во что-нибудь (например, испытывать сомнение)»⁵. Синонимами понятия «**сомнение**» являются понятия «подозрение, колебание; неуверенность»⁶.

Кроме того, в соответствии с УПК РФ «ходатайство об исключении доказательства должно содержать указания на: 2) **основания для исключения** доказательства, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом, и обстоятельства, **обосновывающие ходатайство**» (ч. 2 ст. 235 УПК РФ); «**судья оценивает доказательства** по своему внутреннему убеждению, **основанному на совокупности** имеющихся в уголовном деле **доказательств**, руководствуясь при этом законом и совестью» (ч. 1 ст. 17 УПК РФ) *(выделено нами. — Р.Х.)*.

Учитывая изложенные положения Конституции РФ и УПК РФ, регламентирующие и обуславливающие законное, обоснованное и гуманное судебное рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних, считаю, что в процессе предварительного слушания судьей нецелесообразно и нежелательно «принимать решение об исключении доказательств по делу, когда» — по мнению высказанного в юридической литературе утверждения и предложения — «**нарушения закона не требуют глубокого исследования и ставят под сомнение достоверность этих доказательств**» *(выделено нами. — Р.Х.)*.

Более того, «**при осуществлении правосудия** не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона» (Конституция РФ). «Недопустимые доказательства — показания несовершеннолетнего обвиняемого в ходе досудебного производства, **не подтвержденные обвиняемым в суде ... Судья оцени-**

³ Устав Организации Объединенных Наций, подписанный 26 июня 1945 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М. : Издательство «НОРМА», 2000. С. 38.

⁴ Подр. см.: Хисматуллин Р.С. Актуальные проблемы модернизации судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности : моногр. / под общ. ред. В.М. Бозрова. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 192.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская Академия наук. М. : Азбуковник, 1999. С. 579, 747.

⁶ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов / под ред. Л.А. Чешко. Изд. 2-е, стереотипное. М. : Сов. Энциклопедия, 1969. С. 403, 508, 196.

вает доказательства по убеждению, основанному на **совокупности** имеющихся в деле **доказательств...**» (УПК РФ) (выделено нами. — Р.Х.).

При данных обстоятельствах и в соответствии с Конституцией РФ и УПК РФ полагаю целесообразным и необходимым рассмотрение ходатайства об исключении доказательства и оценке судом данного доказательства осуществлять в судебном разбирательстве, а не в процессе предварительного слушания, о чем целесообразно внести изменения в УПК РФ.

3. Как известно, в соответствии с Конституцией РФ «каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о смягчении наказания» (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ).

Конкретизируя и детализируя положения Конституции РФ, УПК РФ определил одно из назначений уголовного судопроизводства: «Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

2) защиту личности от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения ее прав и свобод» (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Кроме того, УПК РФ подчеркнул: «Назначение судом виновному подсудимому справедливого наказания отвечает в полной мере назначению уголовного судопроизводства» (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Согласно УПК РФ, «приговор суда первой инстанции, не вступивший в законную силу, может быть обжалован сторонами в апелляционном порядке. Жалобы на приговор мирового судьи подаются мировому судье и направляются им вместе с материалами уголовного дела в районный суд для рассмотрения в апелляционном порядке». (ч. 1 ст. 389.2; ч. 1, 3 ст. 323).

До недавнего времени судебное рассмотрение уголовных дел, в том числе в отношении несовершеннолетних, в суде первой инстанции, затем по жалобам в апелляционной инстанции, впоследствии — в кассационной инстанции осуществлялись в пределах одного и того же региона России.

В связи с совершенствованием судопроизводства судебная система в настоящее время принципиально изменилась. Рассмотрение уголовных дел, в том числе в отношении несовершеннолетних, по жалобам осуществляют суды разных регионов Российской Федерации. Например, уголовное дело, рассмотренное по первой инстанции Верховным Судом Республики Башкортостан, с апелляционной жалобой направляется для рассмотрения в суд апелляционной инстанции в Нижний Новгород. После рассмотрения в апелляционном суде Нижнего Новгорода данное дело с кассаци-

онной жалобой направляется для рассмотрения в суд кассационной инстанции в Самару.

Дальнейшее совершенствование уголовно-процессуальных, нравственных и гуманных особенностей судебного рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, гарантий реального обеспечения защиты прав и свобод граждан, особенно — несовершеннолетних, считаю, уверен, обусловит модернизация рассмотрения районными судами в апелляционном порядке уголовных дел в отношении несовершеннолетних судьями другого районного суда по отношению к рассмотревшему конкретное уголовное дело мировому судье.

Поэтому полагаю необходимым и целесообразным и предлагаю внести в Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁷ и в УПК РФ изменения и дополнения о рассмотрении в апелляционном порядке уголовных дел в отношении несовершеннолетних судьями другого районного суда по отношению к рассмотревшему данное дело мировому судье.

Например, уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, рассмотренное мировым судьей Железнодорожного района города Уфы, направлять для рассмотрения в апелляционном порядке в районный суд другого района города — Паркового, и т.п.

Уверен, что предлагаемые изменения и дополнения указанных законов будут способствовать законному, обоснованному и объективному судебному рассмотрению дел в отношении несовершеннолетних как реальной гарантии дальнейшего обеспечения защиты прав и свобод граждан, обусловят справедливое и гуманное отношение суда к судьбе подростков-правонарушителей по уголовным делам.

Полагаю, судьи должны всегда помнить, что «социально-экономическое расслоение в современном обществе достаточно болезненно воспринимается обычными подростками. Определенный разрыв между реальными доходами и привлекательными жизненными стандартами обуславливают достаточно легкое вовлечение несовершеннолетних даже из относительно благополучных в социальном смысле семей в противоправную деятельность или вызывают достаточно высокую степень психологической готовности подростков к правонарушающей деятельности»⁸.

⁷ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

⁸ Подр. см.: Хисматуллин Р.С. Указ. соч. С. 191.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов / З.Е. Александрова ; под редакцией Л.А. Чешко. 2-е изд., стереотип. Москва : Советская Энциклопедия, 1969. 600 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Москва : Азбуковник, 1999. 944 с.
3. Хисматуллин Р.С. Актуальные проблемы модернизации судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Р.С. Хисматуллин // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности : монография / под общей редакцией В.М. Бозрова. Москва : Юрлитинформ, 2016. 304 с.

Проблемы судебного разбирательства о применении принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним

Марковичева Елена Викторовна,

главный научный сотрудник

Научного центра исследования проблем правосудия

Российского государственного университета правосудия,

доктор юридических наук, доцент

markovicheva@yandex.ru

Шатрова Анна Вячеславовна,

судья Норильского городского суда Красноярского края

anna9135891004@gmail.com

В статье раскрываются проблемы рассмотрения судами уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним. В российском уголовном судопроизводстве специфика производства в отношении несовершеннолетних и процессуальные особенности применения принудительных медицинских мер к лицам с психическими расстройствами регламентируются нормами, закрепленными в отдельных главах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации*. Эти нормы не системно, а иногда и противоречиво регламентируют вопросы рассмотрения уголовных дел с участием несовершеннолетних с психическими расстройствами, что вызывает много вопросов в судебной практике.

Ситуация осложняется недостаточной исследованностью данной проблематики. Особенности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних с психическими расстройствами исследованы фрагментарно. В основном ученые акцентируют внимание на особенностях каждого отдельного вида производства. В отдельных работах изучается процессуальное положение несовершеннолетних с психическими расстройствами на досудебных стадиях. Применительно к судебному разбирательству эти вопросы относятся к числу малоизученных. Данная статья представляет собой попытку определения наиболее перспективных направлений в научно-практической разработке указанных проблем.

Авторы приходят к выводу о необходимости разработки доктринальной модели производства по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним и внесении системных изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетний с психическими расстройствами, принудительные меры медицинского характера, законный представитель, судебная экспертиза.

Issues of Judicial Proceedings Related to the Application of Coercive Medical Measures to Minors

Markovicheva Elena V.

Chief Research Scientist of the Research Center for Study of Justice Issues of the Russian State University of Justice

LL.D., Associate Professor

Shatrova Anna V.

Judge of the Norilsk City Court of the Krasnoyarsk Territory

The article examines the issues related to the court consideration of criminal cases on the application of compulsory medical measures to minors. In Russian criminal proceedings, the specifics of proceedings against minors and the procedural features of the application of compulsory medical measures to persons with mental disorders are regulated by the norms from separate chapters of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The norm regulating the consideration of criminal cases involving minors with mental disorders are not systematic, as well as sometimes contradictory, which raises many questions in judicial practice.

The situation is complicated by the lack of research on this issue. Features of criminal proceedings against juveniles with mental disorders have only been investigated fragmentarily. Scientists have been focusing on the char-

* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020, с изм. от 09.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

acteristics of each individual type of production, and in some works, the procedural situation of minors with mental disorders during the pre-trial stages is studied. However, the issues concerning the trial stage are among the less studied. This article is an attempt to identify the most promising areas in the scientific and practical development of these problems.

The authors conclude that it is necessary to develop a doctrinal model of criminal proceedings on the application of compulsory medical measures to minors and to introduce systemic amendments to the criminal procedure law.

Keywords: criminal proceedings, minors with mental disorders, coercive medical measures, legal representative, forensic examination.

Наметившаяся в XXI в. тенденция к упрощению и ускорению российского уголовного процесса не привела к отказу от усложненных порядков производства по отдельным категориям уголовных дел. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) через нормы, закрепленные в гл. 50 и 51, регламентирует два усложненных производства: по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и о применении принудительных мер медицинского характера. Дифференциация процессуальной формы и в том и в другом случае проводится по субъектному признаку и направлена на защиту тех уголовно преследуемых лиц, которые могут испытывать затруднения в реализации процессуальных прав в силу возраста или состояния здоровья. Особенности производства по таким уголовным делам связаны и с наличием специальных уголовно-правовых оснований, позволяющих снизить уровень уголовной репрессивной политики в отношении этих лиц.

Рассматриваемые производства регулируются как общими, так и специальными уголовно-процессуальными нормами. Следует обратить внимание на то, что в большинстве случаев правоприменитель применяет или нормы, предусмотренные гл. 50 УПК РФ («Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних»), или нормы, закрепленные в гл. 51 УПК РФ («Производство о применении принудительных мер медицинского характера»). Однако в случае, когда производство по уголовному делу ведется в отношении несовершеннолетнего, имеющего психическое расстройство, нередко возникает необходимость системного применения норм, закрепленных в обеих главах.

По мнению специалистов-психиатров, в России распространенность психических патологий у несовершеннолетних составляет примерно 15–17%¹. Такие данные коррелируют с данными ВОЗ о психическом здоровье подростков, согласно которым «на долю нарушений психического здоровья приходится 16% глобального бремени болезней и травматизма

среди лиц в возрасте 10–19 лет»². По данным Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, в 2018 г. в России было зафиксировано 198 363 подростка в возрасте 15–17 лет, имеющих психические расстройства³.

К сожалению, подростки с психической патологией совершают уголовно наказуемые деяния, что может потребовать разрешения в рамках уголовного судопроизводства вопроса о возможности их освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер медицинского характера (ПММХ) или с назначением таких мер вместе с уголовным наказанием. Судами РФ в 2017 г. были назначены ПММХ в отношении 473 несовершеннолетних, соответственно, в 2018 г. — в отношении 479, а в 2019 г. — в отношении 448 несовершеннолетних. Таким образом, несовершеннолетние, которым назначаются такие меры, составляют около 5% от общего числа лиц, к которым применяются ПММХ⁴. Однако участие несовершеннолетних с психическими расстройствами урегулировано крайне противоречиво. Причем это касается как уголовно-процессуальных, так и уголовно-правовых норм. Н.Ю. Скрипченко подчеркивает, что как в законодательстве, так и в разъяснениях Верховного Суда РФ «отсутствуют специальные правила и рекомендации применения принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним»⁵.

¹ См.: Макашева В.А., Слободская Е.Р., Варшал А.В., Макушкин Е.В. Заболеваемость психическими расстройствами и частота суицидов у детей и подростков в Российской Федерации // Психиатрия. 2016. № 2 (70). С. 5.

² Психическое здоровье подростков / Всемирная Организация Здравоохранения. 2019. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health> (дата обращения: 25.05.2020).

³ См.: Макушкин Е.В., Демчева Н.К. Динамика и сравнительный анализ детской и подростковой заболеваемости психическими расстройствами в Российской Федерации в 2000–2018 годах // Российский психиатрический журнал. 2019. № 4. С. 5–6.

⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.05.2020).

⁵ Скрипченко Н.Ю. Правовое регулирование применения принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним: реалии и перспективы совершенствования // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 4. С. 26.

Ситуация осложняется недостаточной теоретической разработанностью данной проблематики, что не позволяет в рамках науки уголовно-процессуального права сформулировать концептуальные предложения для законодателя и правоприменителя. Если общие процессуальные вопросы применения ПММХ исследовались на уровне научных статей и диссертаций, то проблемы применения ПММХ к несовершеннолетним практически не изучены. Исключением является только исследование А.А. Ручиной, посвященное изучению особенностей производства о применении ПММХ в отношении несовершеннолетних в стадии предварительного расследования⁶. Что касается судебного разбирательства по данной категории дел, то эти вопросы пока незаслуженно выпали из поля внимания процессуалистов. Остановимся ниже на некоторых проблемах такого производства.

Во-первых, особенностью уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних является расширение предмета доказывания. Дознаватель, следователь, суд обязаны установить не только те обстоятельства, которые закреплены в ст. 73 УПК РФ и подлежат установлению по каждому уголовному делу, но и дополнительные обстоятельства, указанные в ст. 421 УПК РФ. В числе прочих обстоятельств может возникнуть необходимость в установлении наличия у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, а также того факта, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Установление такого отставания может повлечь освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности в соответствии с ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)⁷, т.е. по критерию возрастной личностной незрелости. Однако такой порядок не исключает освобождения подростка от уголовной ответственности с применением ПММХ по основаниям невменяемости (ст. 21 УК РФ) или назначения ему вместе с наказанием ПММХ при ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ). В этой связи особое правовое значение приобретает именно разграничение указанных критериев. Безусловно, установление личностной незрелости само по себе может быть затруднительным для правоприменителя, хотя любые сомнения в соответствии уровня психического развития несовершеннолетнего его возрастной группе должны вести к разрешению данного вопроса. Согласимся с авторами, указывающими на то, что «возмож-

ность регулировать свое поведение с учетом правовых, социальных норм, интересов других людей и характеризует тот уровень «необходимой и достаточной зрелости», которым должен обладать подросток. Это не предполагает обязательного следования социальным нормам, но требует именно их учета, возможно, проявляющегося в избегании санкций при совершении противоправных действий»⁸. К сожалению, гораздо больше вопросов возникает у правоприменителя из-за необходимости дифференциации личностной незрелости несовершеннолетнего вследствие ее связи с возрастными отклонениями или патологическим психическим расстройством. Возникающие в этой связи процессуальные проблемы частично обусловлены несовершенством уголовно-правовых норм, закрепленных в ст. 20–22 УК РФ⁹. Однако проблемность производства по уголовным делам с участием таких несовершеннолетних не может быть объяснена исключительно некорректными нормами материального права. К сожалению, УПК РФ плохо регулирует вопросы доказывания по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, которому могут быть назначены ПММХ. Изолированность гл. 50 и 51 УПК РФ и отсутствие необходимых нормативных связей между ними приводит к тому, что правоприменитель не понимает, есть ли основания для производства о применении ПММХ в отношении несовершеннолетнего и какую экспертизу выбрать для решения вопроса о невменяемости и отграничения ее от возрастной личностной незрелости. В части 3 ст. 196 УПК РФ закреплено обязательное основание для назначения судебной экспертизы психического и физического состояния обвиняемого, если возникают сомнения в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. Но правоприменителю важно относительно к несовершеннолетнему установить, с чем он имеет дело: с возрастной незрелостью или с патологической невменяемостью. В правоприменительной практике для разрешения таких вопросов назначаются различные экспертизы: судебно-психологические, судебно-психиатрические, комплексные психолого-психиатрические экспертизы. Несмотря на то, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 11 февраля 2011 г.¹⁰ рекомендует проведение в отношении не-

⁶ См.: Ручина А.А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 26 с.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Дозорцева Е.Г., Федонкина А.А. Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2013. № 3. С. 236.

⁹ См.: Марковичева Е.В. Проблемы установления возрастной невменяемости при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего // Уголовное право. 2008. № 4. С. 105–109.

¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентиру-

совершеннолетних комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ), очевидно, что их производство в отношении любого несовершеннолетнего, поведение которого дознавателю, следователю или суду кажется отклоняющимся от некой возрастной статистической нормы, не только нерационально, но и может привести к задержке процесса и затруднит защиту прав несовершеннолетнего.

Однако вызывает удивление другое — отсутствие в гл. 51 УПК РФ нормативного предписания об обязательности направления несовершеннолетнего, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, именно на комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ). Отсутствие заключения такой экспертизы может оставить для суда открытым вопрос о природе невменяемости подростка. Получение заключения судебно-психиатрической экспертизы, в котором содержится вывод об отсутствии у несовершеннолетнего психического расстройства, должно повлечь дальнейшее производство по уголовному делу в порядке, предусмотренном гл. 50 УПК РФ. Однако такой алгоритм увеличивает длительность судопроизводства и ставит вопрос о разумности его срока. К этому ведет возвращение уголовного дела прокурору в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Полагаем, что в тех случаях, когда суд на основании заключения КСППЭ уже установил наличие оснований для освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ, т.е. в связи с возрастной личностной незрелостью, суду необходимо предоставить право рассмотрения подобного дела без возвращения прокурору с вынесением итогового процессуального решения об освобождении такого несовершеннолетнего от уголовной ответственности.

Не разрешен и вопрос о сложении двух специальных предметов доказывания по уголовному делу о применении ПММХ к несовершеннолетнему. Уголовно-процессуальный закон не указывает на обязанность суда при рассмотрении такого дела устанавливать обстоятельства, указанные в ст. 421 УПК РФ, но и как бы не освобождает от исследования таких обстоятельств, поскольку действие данной статьи распространяется на всех несовершеннолетних уголовно-преследуемых лиц. Очевидно, что такой законодательный пробел необходимо устранить и закрепить в законе единый специальный предмет доказывания по уголовным делам о применении к несовершеннолетним ПММХ. Например, А.А. Ручина считает возможным сохранить практически полностью специальный предмет доказывания в отношении несовершеннолетних, исключив из него лишь обстоятельства, связанные с установлением влияния взрослых лиц на не-

ющего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

совершеннолетнего и получением данных для решения вопроса о направлении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа¹¹. Такой подход, безусловно, заслуживает внимания, хотя и является небесспорным.

В судебной практике сложности могут возникать при привлечении в рассмотрение уголовного дела о применении ПММХ в отношении несовершеннолетнего законного представителя. На нормативном уровне наблюдается определенное противоречие между кругом лиц, которые могут быть законными представителями несовершеннолетнего, и кругом лиц, которые могут быть законными представителями лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. В пункте 12 ст. 5 УПК РФ закреплен исчерпывающий перечень лиц, которые могут обеспечить защиту несовершеннолетнего в качестве его законного представителя. Глава 51 УПК РФ не содержит такого исчерпывающего перечня, а из ч. 1 ст. 437 УПК РФ следует, что законным представителем лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, может быть его близкий родственник или орган опеки и попечительства. Однако не каждый близкий родственник способен выступать законным представителем несовершеннолетнего. Например, родной брат лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, может привлекаться в качестве его законного представителя, но совершеннолетний брат несовершеннолетнего не может быть его законным представителем, если не наделен специальными полномочиями по опеке или попечительству. В перечень законных представителей несовершеннолетнего включены его приемные родители, но по смыслу гл. 51 УПК РФ они не могут быть законными представителями в производстве о применении ПММХ. Такие противоречия, во-первых, не позволяют судам единообразно определить круг лиц, которые способны выступать законными представителями несовершеннолетних с психическими расстройствами, во-вторых, могут существенно ограничивать право несовершеннолетнего на защиту.

Список проблем, возникающих при рассмотрении уголовного дела о применении ПММХ в отношении несовершеннолетнего, можно продолжать. К сожалению, пробелы в УПК РФ не позволяют решить вопрос о привлечении педагога или психолога в судебное разбирательство, о выборе между педагогом и психологом. Неясен механизм обеспечения самостоятельного участия такого несовершеннолетнего в судебном разбирательстве, реализации им возможности самостоятельно выразить свое мнение.

¹¹ См.: Ручина А.А. Особенности обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних // Правоохранительная деятельность. 2019. № 3. С. 27–34.

Очерченный круг вопросов, ежедневно решаемых судебной практикой, должен стать основой для их научного исследования, определения непротиво-

речивых способов разрешения проблем и формулировки научно-практических предложений законодателю и судьям.

Литература

1. Дозорцева Е.Г. Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью / Е.Г. Дозорцева, А.А. Федонкина // Психологическая наука и образование. 2013. № 3. С. 234–243.
2. Макашева В.А. Заболеваемость психическими расстройствами и частота суицидов у детей и подростков в Российской Федерации / В.А. Макашева, Е.Р. Слободская, А.В. Варшал, Е.В. Макушкин // Психиатрия. 2016. № 2 (70). С. 5–14.
3. Макушкин Е.В. Динамика и сравнительный анализ детской и подростковой заболеваемости психическими расстройствами в Российской Федерации в 2000–2018 годах / Е.В. Макушкин, Н.К. Демчева // Российский психиатрический журнал. 2019. № 4. С. 4–15.
4. Марковичева Е.В. Проблемы установления возрастной невменяемости при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего / Е.В. Марковичева // Уголовное право. 2008. № 4. С. 105–109.
5. Ручина А.А. Особенности обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних / А.А. Ручина // Правоохранительная деятельность. 2019. № 3. С. 27–34.
6. Ручина А.А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.А. Ручина. Москва, 2020. 26 с.
7. Скрипченко Н.Ю. Правовое регулирование применения принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним: реалии и перспективы совершенствования / Н.Ю. Скрипченко // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 4. С. 26–30.

Практика применения альтернативных уголовному наказанию мер в отношении несовершеннолетних

Машинская Наталья Викторовна,

заведующая кафедрой уголовного права и процесса

Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова,

кандидат юридических наук, доцент

n.mashinskaya@narfu.ru

Статья посвящена анализу судебно-следственной практики применения в отношении несовершеннолетних таких оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, как принудительные меры воспитательного воздействия и примирение с потерпевшим. Особое внимание уделяется восстановительному потенциалу рассматриваемых мер уголовно-правового характера.

Ключевые слова: наказание, уголовная ответственность, принудительные меры воспитательного воздействия, примирение с потерпевшим.

The Practice of Application of Measures Alternative to Criminal Punishment in Respect of Minors

Mashinskaya Natalya V.

Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
PhD (Law), Associate Professor

The article is devoted to the analysis of the judicial and investigative practice of applying against minors such grounds for exemption from criminal liability and punishment as compulsory educational measures and reconciliation with the victim. Particular attention is paid to the restoration potential of these measures.

Keywords: punishment, criminal liability, forced educational measures, reconciliation with the victim.

Международно-правовые акты в области отправления правосудия в отношении несовершеннолетних

ориентируют национального законодателя на установление альтернативных способов разрешения уго-

ловно-правового конфликта¹. В правоприменительной практике применение указанных мер в отношении подростков имеет приоритетное значение перед наказанием². Как показывает анализ итоговых судебных решений, наиболее задействованными среди предусмотренных уголовным законом являются принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 Уголовного кодекса Российской Федерации³, далее — УК РФ) и примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Этим обстоятельством обуславливается актуальность исследования практики применения указанных альтернативных методов. Особый интерес затронутому вопросу придает внедрение в уголовное судопроизводство элементов восстановительного правосудия, которое получило свое развитие по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и применяется в случае прекращения уголовного преследования (уголовного дела) в связи с примирением с потерпевшим. В отдельных регионах России опыт применения медиации с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого весьма значительный. К таким регионам относится и Архангельская область. В этой связи в настоящей работе анализируется практика применения альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта с участием несовершеннолетнего на примере Архангельского региона.

Являясь видами освобождения от уголовной ответственности, принудительные меры воспитательного воздействия и примирение с потерпевшим имеют некоторые сходства и отличия.

В качестве сходства следует отметить, что оба основания освобождения от уголовной ответственности применяются при совершении преступления небольшой и средней тяжести. В то же время различны условия освобождения. Для прекращения уголовного преследования по ст. 76 УК РФ и ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее — УПК РФ) необходимо, чтобы преступление было совершено впервые, виновный примирился с потерпевшим и загладил причиненный ему вред. Для применения ст. 90 УК РФ требуется наличие доказанности,

что исправление подростка, совершившего преступление, может быть достигнуто без применения уголовного наказания путем реализации принудительных мер воспитательного воздействия. Тем самым законодатель придает особое значение исследованию личности подростка и его окружения. К существенному отличию относится и то, что прекращение уголовного преследования в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия выступает специальной мерой и применяется только в отношении несовершеннолетних. В то время как примирение с потерпевшим допускается в отношении любых субъектов, если совершенное ими общественно-опасное деяние и постпреступное поведение соответствуют условиям ст. 76 УК РФ и 25 УПК РФ.

По данным судебной статистики в Архангельском регионе в 2015 г. в связи с примирением с потерпевшим прекращено 47% уголовных дел от общего количества рассмотренных в отношении несовершеннолетних; в 2016-м — 41,1%; в 2017-м — 36,8%. Начиная с 2012 г. по уголовным делам рассматриваемой категории привлекаются посредники (медиаторы), которые при помощи специальных технологий помогают сторонам разрешить уголовно-правовой конфликт. Целью восстановительной медиации является осознание подростком произошедшего, его последствий, принятие ответственности за свои поступки, установление причин правонарушения. Таким образом, примирение носит неформальный характер, оно нацелено на восстановление нарушенных прав потерпевшего и ресоциализацию несовершеннолетнего правонарушителя. По сведениям государственного бюджетного учреждения «Центр Надежда», специалисты которого привлекаются в качестве медиаторов, количество завершённых медиаций по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в Архангельской области в период с 2014 по 2017 г. возросло с 71 до 159 соответственно. Наиболее активными в направлении заявок в территориальные службы примирения были органы предварительного расследования. В 2014 г. они направили 126 заявок для проведения медиации с участием несовершеннолетнего правонарушителя, в 2015-м — 185, в 2016-м — 247, в 2017-м — 235. В целом количество заявок от органов предварительного расследования и суда в период с 2014 по 2017 г. возросло с 307 до 401 соответственно. После проведения медиации и заключения примирительного договора следователи и дознаватели прекращали производство по уголовному делу в связи с примирением. Если по какой-то причине на стадии предварительного расследования стороны не достигли согласия, уголовное дело направлялось в суд, где в случае полного разрешения конфликта принималось решение в соответствии со ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ. В результате сложившейся практики наметилась положительная динамика преступности несовершеннолетних в Архангельской области.

По данным УМВД России по Архангельской области, количество преступлений, совершенных подрост-

¹ Пункт 18.1 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Приняты резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.] // СПС «КонсультантПлюс».

² Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020, с изм. от 09.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

ками, в течение 2015–2017 годов сократилось с 943 в 2015 г. до 668 — в 2017-м. При этом уменьшилось количество повторных преступлений: в 2015 г. их удельный вес составил 31,9%, в 2016 г. — 30,9%, в 2017 г. — 23%, что ниже среднего по России (26%). Таким образом, увеличение количества проведенных процедур примирения за анализируемый период коррелирует с показателями преступности несовершеннолетних в Архангельской области. Конечно, для выявления объективного результата и формулирования однозначного вывода о влиянии медиации на снижение преступности несовершеннолетних необходимо исследовать и другие факторы, способные оказать воздействие, но все же полностью отрицать позитивный эффект от медиации было бы преждевременным.

В 2018 г. практика применения в отношении несовершеннолетних мер, альтернативных уголовному наказанию, резко изменилась. Этому обстоятельству содействовали две причины: письмо первого заместителя министра МВД от 19 сентября 2018 г. «Об активизации применения ч.1 ст. 427 УПК РФ» и негласное указание руководителей МВД РФ об искоренении практики прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования, поскольку она является негативной, не отвечающей назначению деятельности следственных подразделений. Сложившаяся ситуация обусловлена существующей в органах внутренних дел системой оценки эффективности работы следователей и дознавателей, в соответствии с которой результативность деятельности следователя и дознавателя определяется по направленным в суд уголовным делам. Опрос следователей и дознавателей показал, что именно статистическая отчетность органов предварительного расследования вынудила переориентировать следственную практику на применение принудительных мер воспитательного воздействия. Вследствие этого в 2018 г. органами предварительного расследования Архангельской области по ст. 427 УПК РФ прекращено 94 уголовных дела в отношении 142 несовершеннолетних, в 2017 г. — прекращено 29 уголовных дел в отношении 51 подростка.

С одной стороны, указанная мера нацелена на исправление подростка, поскольку связана с усилением контроля за его поведением и, казалось бы, обладает большим воспитательным потенциалом в сравнении с прекращением уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим. Однако, с другой стороны, анализ мер, применяемых в качестве воспитательных, не позволяет сделать однозначный вывод об эффективности их предупредительного воздействия. Во-первых, такая мера, как предупреждение (п. «а» ч. 2 ст. 90 УК РФ) вообще не предполагает какой-либо воспитательной работы с подростком, но в 2018 г. на ее долю приходилось самое большое количество решений — 73. Передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа (п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ); ограничение досуга и установление особых требований к пове-

дению несовершеннолетнего (п. «г» ч. 2 ст. 90 УК РФ) требуют серьезной работы с подростком со стороны его ближайшего окружения. Как показывает практика, в 2018 г. передача под надзор родителей занимала второе место среди наиболее часто применяемых принудительных мер воспитательного воздействия — 49 случаев. В то же время, учитывая, что именно родители не обеспечили надлежащее поведение несовершеннолетнего, вследствие чего он совершил преступление, вряд ли можно рассчитывать на успешную реализацию такой меры⁵. В качестве специализированного органа суды, руководствуясь разъяснениями п. 38 упомянутого выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, указывали комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДН). В г. Северодвинске Архангельской области имеется практика передачи несовершеннолетнего под надзор подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (три случая). В 2018 г. под надзор специализированного органа были направлены 38 подростков. Однако отсутствие нормативного регулирования воспитательной работы КДН, а также специалистов, которые бы обладали соответствующей подготовкой и были способны осуществлять индивидуальную работу по воспитанию (а не только по надзору), существенно снижает профилактический эффект указанной меры⁶. Что касается возложения обязанности загладить причиненный вред (п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ), то эта мера в 2018 г. применялась всего три раза. Представляется, что ее примене-

⁵ Няндомским районным судом дважды (07.11.2017, 26.01.2018) выносились постановления о применении к 15-летнему М. мер воспитательного воздействия в виде передачи под надзор матери, хотя из материалов уголовного дела следовало, что она контроль за сыном утратила, неоднократно привлекалась к административной ответственности по ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) в связи с неисполнением обязанности по его воспитанию. В результате неэффективного применения мер воспитательного воздействия имеются случаи повторного совершения подростками преступлений. Так, на основании постановления Няндомского районного суда от 3 августа 2018 г. к 17-летнему П. применена мера воспитательного воздействия — передача под надзор матери. При вынесении постановления судом не учтено, что несовершеннолетний неоднократно совершал общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, привлекался к административной ответственности по ст. 6.1.1, 12.29 КоАП РФ, матерью утрачен контроль за сыном, что способствовало совершению подростком преступления в январе 2019 г. // По материалам Архангельской областной прокуратуры.

⁶ Соответствующий порядок разработан КДН при Правительстве Архангельской области только в 2018 г. и утвержден Постановлением от 30 ноября 2018 г. № 13/2. См.: Постановление Правительства Архангельской области от 13 ноября 2018 г. № 528-пп «О внесении изменений в отдельные постановления Правительства Архангельской области» // СПС «КонсультантПлюс».

ние могло бы состояться одновременно с реализацией ст. 76 УК РФ, поскольку заглаживание вреда потерпевшему выступает в качестве одного из условий прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон.

Во-вторых, предусмотренные ч. 2 ст. 90 УК РФ меры уголовно-правового характера предполагают совсем иной по сравнению с медиацией механизм воздействия на личность правонарушителя. Прежде всего, они носят принудительный характер, т.е. позитивное поведение обеспечивается методом принуждения. Медиация же посредством проведения неоднократных встреч с использованием специальных психологических методик нацелена на осознание причин и последствий такого поведения самим подростком, за счет чего происходят принятие ответственности за содеянное и изменение поведения несовершеннолетнего. Как отмечается в юридической литературе, к числу первоочередных задач медиации относится обеспечение сторонам возможности обсудить возникший между ними конфликт и самостоятельно урегулировать его⁷. Таким образом, воспитательный эффект медиации может оказаться более существенным.

В-третьих, единство правовой природы рассматриваемых альтернативных мер не обеспечивает схожесть правовых последствий для несовершеннолетнего, в отношении которого они применяются. Так, если суд освобождает подростка от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, то такое решение является для него окончательным и не влечет никаких правовых последствий. Учитывая, что прекратить уголовное преследование (уголовное дело) по указанному основанию суд вправе только с согласия потерпевшего и обвиняемого (ч. 3 ст. 213 УПК РФ), такое решение, как правило, сторонами не обжалуется. Даже в случае повторного преступления подросток будет считаться совершившим преступление впервые, в силу чего вновь может быть осво-

божден от уголовной ответственности, в том числе в связи с примирением с потерпевшим. Освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия далеко не всегда является окончательным решением. В соответствии с ч. 5 ст. 427 УПК РФ в случае систематического неисполнения подростком возложенных на него обязанностей суд по ходатайству специализированного учреждения отменяет постановление о прекращении уголовного преследования и применении принудительной меры воспитательного воздействия и направляет материалы в орган предварительного расследования, который продолжает производство по уголовному делу, составляет обвинительное заключение или обвинительный акт и передает дело в суд для рассмотрения его в общем порядке и принятия решения о применении уголовного наказания. Исходя из анализа законодательного регулирования последствий применения указанных альтернативных мер, прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим для несовершеннолетнего является более желательным, соответствующим его законным интересам, нежели применение принудительных мер воспитательного воздействия.

Анализируя практику применения альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта с участием несовершеннолетнего, автор не ставил задачу показать состоятельность одной меры и несостоятельность другой в вопросах предупреждения преступности несовершеннолетних. Представляется, что для достижения наилучшего предупредительного эффекта обязательному применению должны подлежать как принудительные меры воспитательного воздействия, так и примирение с потерпевшим. Однако практика применения рассматриваемых мер не должна формироваться под влиянием ведомственных приоритетов в статистической отчетности работы следственных подразделений. Отдавая предпочтение той или иной мере, суд должен учитывать личность несовершеннолетнего правонарушителя, его ближайшее окружение, имеющийся опыт реализации альтернативных способов разрешения конфликта в регионе и возможность их влияния на ресоциализацию подростка.

⁷ Давлетов А.А., Братчиков Д.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 168–179; Хромова Н.М. Реализация концепции восстановительного правосудия по делам в отношении несовершеннолетних // Адвокат. 2017. № 3. С. 57–64.

Литература

1. Давлетов А.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России / А.А. Давлетов, Д.А. Братчиков // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 168–179.
2. Хромова Н.М. Реализация концепции восстановительного правосудия по делам в отношении несовершеннолетних / Н.М. Хромова // Адвокат. 2017. № 3. С. 57–64.

Основные направления повышения эффективности назначения несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы

Авдеева Екатерина Вадимовна,

доцент кафедры уголовного процесса

Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации,

кандидат юридических наук, доцент

E_V_Avdeeva@bk.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы эффективной реализации уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Исследовано многообразие правовых оценок роли уголовно-правового воздействия на осужденных путем реализации лишения свободы. Проанализированы проблемы реализации наказания несовершеннолетним в виде лишения свободы на примере динамики рецидивной преступности указанной категории лиц. Особое внимание уделено проблемам ресоциализации, десоциализации и социализации несовершеннолетних, отбывших наказание в виде лишения свободы. Рассмотрены исключительность и краткость срока лишения свободы как перспективные направления совершенствования института лишения свободы несовершеннолетних.

Ключевые слова: лишение свободы, ресоциализация, десоциализация, несовершеннолетние, виды наказаний, гуманизация наказания.

The Main Areas of Raising the Efficiency of Imposition of Punishment in the Form of Imprisonment to Minors

Avdeeva Ekaterina V.

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure

of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

PhD (Law), Associate Professor

The article deals with the implementation of criminal punishment in the form of deprivation of liberty in relation to minors, the variety of legal assessments of the role of criminal legal influence on convicts by implementing deprivation of liberty. The article analyzes the effectiveness of implementing punishment of minors in the form of deprivation of liberty on the example of the level of recidivism of this category of persons. Special attention is paid to the problem of re-socialization, desocialization and socialization of minors who have served a sentence of imprisonment. The questions of exclusivity and brevity of the term of imprisonment as a type of punishment should be imposed by the court in relation to minors are considered.

Keywords: deprivation of liberty, resocialization, desocialization, minors, types of punishments, humanization of punishment.

В условиях актуальности проблемы повышения эффективности реализации уголовного наказания одним из актуальных вопросов следует признать реализацию целей уголовного наказания в случаях назначения судом уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении такой категории осужденных, как несовершеннолетние. Стоит отметить, что российский законодатель активно модернизирует нормы уголовного закона с учетом специфики категории несовершеннолетних, которой присущ ряд особенностей возрастного, социально-психологического, психоэмоционального и иного характера.

Толкование нормы, предусмотренной ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее —

УК РФ), позволяет говорить о назначении лишения свободы несовершеннолетним на основании разграничения срока отбывания наказания в зависимости от категории совершенного деяния и возраста несовершеннолетнего. Так, совершение несовершеннолетними до 16 лет тяжких преступлений либо повторно преступлений небольшой или средней тяжести влечет наложение наказания в виде лишения свободы на срок до шести лет. В отношении не достигших возраста 16 лет несовершеннолетних, совершивших преступление особой тяжести, а также всех остальных несовершеннолетних до 18-летнего возраста, за исключением лиц, совершивших преступление небольшой тяжести впервые, срок лишения свободы не должен превышать десяти лет. Также следует отметить, что в отношении несовершеннолетнего осужденного за совершение тяжкого

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

или особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный санкцией конкретного состава преступления, сокращается наполовину. Минимальный срок лишения свободы на основании ст. 56 УК РФ составляет два месяца².

Согласно официальным статистическим данным, представленным Судебным департаментом при ВС РФ, в 2018 г. было осуждено 18 826 несовершеннолетних, из них 3 163 — к лишению свободы на определенный срок, что составило 16,8%. Стоит отметить, что среди видов наказаний, назначенных несовершеннолетним, преобладает условное осуждение к лишению свободы — 38,4% (7 244) несовершеннолетних. Далее следуют обязательные работы, назначенные 4 205 осужденным (22,3%).

Преимущественно лишение свободы было назначено несовершеннолетним в возрасте 16–17 лет (2 508 осужденных), что составило 79,3%. В возрасте 14–15 лет было назначено лишение свободы 655 несовершеннолетним — 20,7%. Как показывает статистика, среди осужденных, приговоренных к лишению свободы, преобладают лица мужского пола — 95,3% (3 012 осужденных) и лишь 4,7% составляет удельный вес лиц женского пола (151 осужденная).

Практический интерес представляют статистические данные Судебного департамента при ВС РФ за 2018 г., раскрывающие особенности социального криминологического портрета осужденных несовершеннолетних. Что касается семейного статуса несовершеннолетних, то в полноценной семье воспитывались 1 375 несовершеннолетних (43,5%); практически половина осужденных воспитывалась в семье с одним родителем — 45,5% (1 439 осужденных); 11% (349 осужденных) воспитывались вне семьи. Социально-трудовой и социально-образовательный критерии оценки личности несовершеннолетнего осужденного характеризуются следующими показателями: 53,9% (1 703 осужденных) несовершеннолетних являлись учащимися; 3% (94 осужденных) — работающими; 41,9% (1 323 осужденных) не были ни учащимися и ни работающими; 1,2% (43 осужденных) являлись нетрудоспособными.

За 2019 г. было осуждено 2 755 несовершеннолетних к лишению свободы на определенный срок, что составило 16,3%. Преимущественно лишение свободы было назначено несовершеннолетним в возрасте 16–17 лет (2 173 осужденных), что составило 78,9%. 582 несовершеннолетних, подлежащих наказанию в виде лишения свободы, имели возраст 14–15 лет (21,2%). Как показывает статистика, среди несовершеннолетних, приговоренных к лишению свободы в 2019 г., удельный вес лиц мужского и женского пола составил соответственно 94,9% (2 614 осужденных) и 5,1% (141 осужденная).

² Алтынбаева Л.М. Лишение свободы в отношении несовершеннолетних: проблемы применения и пути их совершенствования // Вестник Омского университета. 2009. № 1. С. 91–96.

Как видно из статистических данных за 2019 г., 48,8% несовершеннолетних (1 345 осужденных) воспитывались в семье с одним родителем, 10,6% (292 осужденных) — вне семьи, 40,6% (1 118 осужденных) — в полноценной семье. Примечательно, что из них 55,9% (1 539 осужденных) несовершеннолетних являлись учащимися, 2,5% (68 осужденных) — работающими и 40,2% (1 107 осужденных) не были ни учащимися и ни работающими³.

Представляется, что обращение к вопросу реализации уголовного наказания в отношении несовершеннолетних требует в современных условиях детального научного обоснования. В этой связи стоит отметить многообразие правовых оценок роли уголовно-правового воздействия на осужденных путем реализации лишения свободы.

С одной стороны, в научных кругах активно дискутируется вопрос о нецелесообразности применения лишения свободы в отношении лиц, не достигших возраста 18 лет. Исследователи полагают, что отбытие осужденным данного вида наказания порождает ряд негативных последствий. Высказывается точка зрения, что в результате пребывания несовершеннолетнего осужденного в местах лишения свободы в условиях непосредственного контакта с иными категориями преступников у несовершеннолетних формируется профессионально-преступное поведение.

По мнению ученых и практиков, несовершеннолетние, отбывшие наказание в местах лишения свободы, даже в случае демонстрации первоначальных признаков достижения исправительного воздействия не характеризуются устойчивой социально-полезной линией поведения. Таким образом, в условиях изоляции от общества не достигается в полной мере функция перевоспитания несовершеннолетнего. Результатом является рецидив преступности несовершеннолетних. Особое внимание сконцентрировано на проблеме ресоциализации несовершеннолетних, отбывших наказание в виде лишения свободы. Высказывается точка зрения, что ресоциализационный процесс после возвращения носит более продолжительный и проблематичный характер.

Более радикальные взгляды опираются на негативные последствия наказания в виде лишения свободы, которые пагубно влияют на физическое и психоэмоциональное состояние здоровья несовершеннолетнего осужденного. К числу факторов, негативно влияющих на физиологическое и психологическое состояние осужденного несовершеннолетнего, относят осознание пространственного и информационного ограничения, поиск оптимальной социальной роли в условиях изоляции и пребывания среди специального контингента лиц. Данные факторы порождают возникновение стрессовых ситуаций, влекущих неадекватное восприятие окружающей действительности вплоть

³ Сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 12.05.2020).

до психоэмоциональных срывов и подавления (утраты) личностно-волевых качеств. Психологи отмечают, что возникновение последствий негативного характера препятствует осуществлению психолого-педагогической и воспитательной работы. После освобождения от отбывания наказания вызванные пребыванием в местах лишения свободы негативные последствия оказывают отрицательное воздействие на процесс социализации несовершеннолетнего.

С другой стороны, ряд ученых отстаивает целесообразность назначения лишения свободы как уголовного наказания к несовершеннолетним. В качестве аргументации данной правовой позиции приводятся следующие правовые положения. Исследователи данного вопроса считают, что лишению свободы должно быть отведено центральное место в перечне наказаний, налагаемых в отношении несовершеннолетних. Такой подход объясняется тем, что несовершеннолетние характеризуются незначительным уровнем деформации правового сознания. Вместе с тем на психоэмоциональном уровне несовершеннолетние обладают повышенной готовностью восприятия последствий назначения уголовного наказания. Тем самым лицо, отбывшее наказание в виде лишения свободы, подвержено конструктивному изменению жизненной позиции и возвращению в общество полноценным его членом. С учетом психологических особенностей несовершеннолетних цель уголовного наказания — исправление — может быть достигнута путем изоляции от общества в полном объеме.

Думается, что ведущим критерием должен стать синтезированный подход к правовой оценке эффективности назначения уголовного наказания в виде лишения свободы к несовершеннолетним. Назначение судами данной меры должно осуществляться на основе строгого соблюдения принципа индивидуализации и персонализации уголовного наказания. В частности, лишение свободы как вид наказания в отношении несовершеннолетних должно назначаться исключительно за совершение тяжких и особо тяжких преступлений либо когда наличествует признак повторности совершения несовершеннолетним преступления. При этом законодатель должен исходить из характера и степени общественной опасности уголовно-правового посягательства, направленности видового объекта, характеристики личности преступника, его индивидуальных, психоэмоциональных и социально-психологических особенностей.

Особого внимания заслуживают оценка личности несовершеннолетнего преступника и установление судом факта нецелесообразности реализации в отношении отдельных несовершеннолетних иных видов наказания и мер воспитательного характера в силу невозможности при их назначении оказать надлежащее влияние на перевоспитание личности несовершеннолетнего преступника.

Позитивизм применения лишения свободы к категории несовершеннолетних состоит в том, что несовершеннолетний преступник осуществляет уголовно-пра-

вовое посягательство в силу личностного, социального, экономического и иных факторов. Следовательно, в условиях изоляции от общества к осужденному должны быть применены меры, оказывающие воздействие личностного, социального и экономического характера. Например, рассматривая личностный фактор, необходимо в условиях изоляции воздействовать на личностные характеристики несовершеннолетнего комплексом мер, постепенно вытесняя асоциальные намерения (установки) и закрепляя в поведении социально-полезную линию.

Личностные ценности должны охватывать широкий спектр, в том числе осознание несовершеннолетним причинности факта претерпевания им негативных последствий, формирование правовых ценностей и нравственно-моральных позитивных качеств, таких как уважение к закону, правам и свободам другого человека, осознание роли государства и мер государственного принуждения, на чувственно-эмоциональном уровне — чувство долга, ответственности, самооценки, самосознания, страха перед карой и т.д.

Социальный фактор в условиях изоляции осужденного несовершеннолетнего от общества позволяет с учетом запущенности (отсутствия) процесса воспитания в рамках семьи сформировать и компенсировать с помощью деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы установку на прививание социальных ценностей, в частности, интереса к образовательной и творческой деятельности, спорту и т.д. Компенсация в рамках учреждений уголовно-исполнительной системы экономического фактора предполагает формирование уважения к труду и качественно нового подхода к оценке такой правовой ценности, как наличие законного источника средств к существованию.

При этом реализуемые меры личного, социального и экономического характера должны варьироваться с учетом степени интеллектуально-волевого развития личности осужденного несовершеннолетнего. Следует также сказать, что воздействие на личностные характеристики осужденного должно синтезироваться при необходимости с мерами психотерапевтического характера. Реализация комплексной психотерапии предполагает отношение к осужденному как к лицу, имеющему устойчивые деструктивные изменения в психике. При этом воздействие на профессиональном уровне должно осуществляться непосредственно на психику несовершеннолетнего осужденного.

Стоит отметить, что при анализе эффективности реализации наказания несовершеннолетнего в виде лишения свободы оценки требует уровень рецидивной преступности указанной категории лиц. Например, согласно официальным статистическим данным, в 2018 г. из 3 163 осужденных несовершеннолетних, которым было назначено наказание в виде лишения свободы, 43,7% (1 384 несовершеннолетних) осужденных имели на момент совершения преступления неснятые и непогашенные судимости. При этом из них ранее осужденные к реальному лишению свободы составили 39,5%

(547 несовершеннолетних), в том числе: 1) не отбывшие реального лишения свободы — 85,2% (466 несовершеннолетних); 2) не отбывшие условное осуждение к лишению свободы и иным мерам — 27% (373 несовершеннолетних).

За 2019 г. из числа 2 755 осужденных несовершеннолетних, которым было назначено наказание в виде лишения свободы, 45,6% (1 256 несовершеннолетних) осужденных имели неснятые и непогашенные судимости на момент совершения преступления, из них ранее осужденные к реальному лишению свободы — 42,4% (532 несовершеннолетних), в частности: 1) не отбывшие реального лишения свободы — 84,8% (451 несовершеннолетних); 2) не отбывшие условное осуждение к лишению свободы и иным мерам — 25,3% (318 несовершеннолетних)⁴.

Анализ показателей рецидивной преступности позволил отметить, что степень эффективности реализации наказания несовершеннолетним в виде лишения свободы во многом обусловливается формированием личностного волевого интереса (установки) на избрание социально полезной линии поведения как в рамках исправительного учреждения, так и после освобождения от отбывания наказания. Значительную роль в формировании данного интереса (установки) должна играть нравственно-моральная поддержка со стороны близких несовершеннолетнему людей, в частности членов семьи, родственников и иных лиц, обладающих для него положительным авторитетом (наставники, учителя и т.д.). В этой связи стоит отметить, что данное направление по проведению работы с родственниками осужденного к лишению свободы несовершеннолетнего не детализируется действующим законодательством.

В общественных кругах активно муссируется мнение, что лишение свободы как вид наказания должно назначаться судом в отношении несовершеннолетних в исключительных случаях, при этом судьи должны исходить из назначения минимального срока. Высказывается правовая позиция относительно того, что в целях гуманизации судов целесообразно избирать более краткие сроки лишения свободы. Краткий срок отбывания наказания обладает рядом преимуществ. Осужденный несовершеннолетний получает возможность на основе собственного опыта увидеть и испытать негативные последствия совершения преступления. В то же время краткий срок лишения свободы не оказывает столь негативного влияния, обуславливающего дальнейшую деформацию социально-психологических установок, т.е. личность несовершеннолетнего преступника не успевает подвергнуться существенным деструктивным изменениям.

Данная правовая позиция корреспондирует с международными стандартами, закрепленными в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолет-

них (Пекинских правилах), принятых резолюцией 40/33 Генеральной ассамблеей ООН от 29 ноября 1985 г.⁵. В соответствии со ст. 19 указанного документа помещение несовершеннолетнего в какое-либо исправительное учреждение должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимально необходимого срока. Цель данного правила заключается в двух аспектах. Первый аспект носит количественный характер, который подразумевает наказание в виде лишения свободы как крайнюю меру. Второй аспект имеет временной характер и отражается в назначении несовершеннолетнему минимального срока лишения свободы.

Поэтому заслуживает внимание предложение о внесении корректив в законодательную формулу, регламентированную ст. 56 и 88 УК РФ, в частности, о разграничении минимального срока лишения свободы с учетом возрастных особенностей осужденных (совершеннолетних и несовершеннолетних). Данная поправка предоставляет возможность назначения несовершеннолетнему наказания в виде лишения свободы сроком менее чем на два месяца.

В заключение необходимо подчеркнуть, что значительная роль на современном этапе отводится решению проблемы десоциализации и ресоциализации осужденных несовершеннолетних. Десоциализация несовершеннолетних заключается в формировании у осужденного личного мировоззрения, предусматривающего противопоставление своих личных интересов интересам общества, государства и общества в целом, пренебрежение общепринятыми в социуме ценностями. Из этого следует, что процесс социализации несовершеннолетнего осужденного предполагает комплекс мер по устранению деструктивных изменений в поведенческом и ценностно-ориентированном дискурсах личности несовершеннолетнего.

Задача органов государственной власти, самоуправления, учреждений уголовно-исполнительной системы и общественных организаций состоит на современном этапе в обеспечении ресурсов для успешной ресоциализации осужденных несовершеннолетних, отбывших наказание в виде лишения свободы. Факторами, препятствующими успешной ресоциализации, следует считать уровень образования несовершеннолетних осужденных, который характеризуется незавершенностью либо недостаточностью образовательного процесса в рамках учреждений среднего и средне-профессионального образования. Поэтому

⁴ Сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 12.05.2020).

⁵ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Приняты резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.] // СПС «КонсультантПлюс»; Авдеев В.А., Авдеева О.А., Грибунов О.П., Сергеев В.А. Наказание в системе уголовно-правовых средств противодействия преступности: взаимодействие правовых систем в условиях глобализации международной жизни // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 301–312.

закономерным является факт отсутствия у данной категории осужденных профессиональных навыков, которые можно применить в силу востребованности в современных реалиях. В этой связи одним из ключевых направлений в ресоциализационной деятельности в рамках учреждения по месту отбытия наказания должно стать: а) наращивание образовательного уровня

несовершеннолетнего; б) привитие трудовых навыков; в) приобретение профессии, востребованной в обществе. Таким образом, процесс ресоциализации должен заключаться в принятии широкого спектра мер, содействующих возвращению несовершеннолетнего осужденного в общество и его адаптации в новых социально-экономических реалиях.

Литература

1. Авдеев В.А. Наказание в системе уголовно-правовых средств противодействия преступности: взаимодействие правовых систем в условиях глобализации международной жизни / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева, О.П. Грибунов, В.А. Сергеевнин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 301–312.
2. Алтынбаева Л.М. Лишение свободы в отношении несовершеннолетних: проблемы применения и пути их совершенствования / Л.М. Алтынбаева // Вестник Омского университета. 2009. № 1. С. 91–96.

Роль педагога и психолога при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего

Кируша Галина Николаевна,

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Северо-Западного института (филиала)
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
smirnova_galina_nik@mail.ru

Статья посвящена процессуальному статусу педагога и психолога при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего. Существует неопределенность в постановке целей и задач перед данными участниками уголовного судопроизводства и недостаточная правовая регламентация их процессуальных прав. По мнению автора, целями педагога и психолога являются обеспечение нормального психологического состояния несовершеннолетнего и недопущение неблагоприятного воздействия на него в ходе следственного действия. В настоящее время объем процессуальных прав педагога, психолога не позволяет достичь данной цели. Предлагается расширить объем процессуальных прав, в том числе педагогу и психологу необходимо предоставить право заявлять ходатайства, связанные с недопущением негативного воздействия на личность несовершеннолетнего (объявление перерыва в следственном действии, отвод или переформулирование некорректного вопроса и т.д.). Автор приходит к выводу о необходимости дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* ст. 58.1, регламентирующей процессуальный статус педагога и психолога.

Ключевые слова: несовершеннолетний, педагог, психолог, следственные действия, предварительное расследование.

The Role of a Teacher and a Psychologist in Carrying Out of Investigative Actions Involving a Minor

Kirusha Galina N.

Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of the Northwest Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article deals with the procedural status of a teacher and a psychologist in the course of investigative actions involving a juvenile. There is uncertainty in setting goals and objectives for these participants in criminal pro-

* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020, с изм. от 09.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

ceedings. Besides, one can face insufficient legal regulation of their procedural rights. In the author's opinion the aim of a teacher and a psychologist is to ensure the minor's normal psychological state and to prevent negative effects on them during investigative actions. Nowadays the scope of their procedural rights is not sufficient to achieve this goal. It is proposed to expand the scope of procedural rights. Including a teacher and a psychologist should be given the right to make applications concerning the prevention of negative effects on the personality of the minor (for instance, declaring a break in investigative actions, reformulating an improper question, etc.). The author comes to the conclusion that it is necessary to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with article 58.1, which regulates the procedural status of a teacher and a psychologist.

Keywords: minor, teacher, psychologist, investigative actions, preliminary investigation.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) предусматривает следующие случаи обязательного участия педагога или психолога в производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего в стадии предварительного расследования:

— при проведении допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ч. 3 ст. 425 УПК РФ);

— при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, при этом по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участвовать должен именно психолог (ч. 1, ч. 4 ст. 191 УПК РФ).

В то же время законодатель не определяет задачи педагога и психолога при производстве следственных действий и недостаточно регламентирует их процессуальные права. Как отмечалось нами ранее, это порождает пассивное поведение со стороны педагогов и психологов. Желанию помочь ребенку противостоят непонимание стоящих перед ними задач и страх нарушить процедуру следственного действия¹.

В научной литературе и судебной практике высказываются различные точки зрения о задачах педагога и психолога. Так, в обзорах судебной практики Самарского областного суда и Нижегородского областного суда среди задач педагога отмечается обеспечение психологической защиты допрашиваемых «от манипулирования ими, от постановки вопросов в недоступной для несовершеннолетних форме, от агрессивного психоэмоционального воздействия на них»². Н.В. Машинская

приходит к выводу, что задачами педагога и психолога является «содействие следователю, дознавателю в установлении психологического контакта с несовершеннолетним, получение от последнего правдивых показаний, обеспечение оптимального эмоционального состояния подростка; оказание следователю и дознавателю помощи в изучении его личности, специфики ее формирования, выявлении индивидуальных особенностей, что может быть использовано при определении тактики допроса; содействие следователю и дознавателю в постановке педагогически корректных вопросов к несовершеннолетнему; содействие следователю и дознавателю в оценке результатов допроса и фиксации показаний»³. С.В. Тетюев указывает, что педагог «помогает следователю определить последовательность и форму постановки вопросов, оптимальную продолжительность допроса, выбрать правильный стиль допроса с точки зрения педагогики, установить психологический контакт с допрашиваемым и т.д. для того, чтобы получить от несовершеннолетнего полные и достоверные показания»⁴.

В отсутствие нормативного регулирования авторы делают собственные предположения, в итоге мы получаем немалый перечень предполагаемых задач педагога и психолога, о которых они сами должны только догадываться. Представляется, что перечень задач все же должен иметь нормативное закрепление, он не должен быть излишне широким, не должен выходить за пределы компетенции педагога и психолога и смешивать его функции с функциями других участников уголовного судопроизводства. В частности, содействие в оценке результатов допроса, по нашему мнению, выходит за пределы компетенции педагога и психолога, поскольку они

¹ См. подробнее: Смирнова Г.Н. Педагог и психолог в уголовных делах с участием несовершеннолетних: проблемы правового регулирования и практики применения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 4216–4220; Смирнова Г.Н. Вопросы участия педагога/психолога в допросе несовершеннолетнего // Проблемы использования специальных знаний в России и за рубежом. М., 2013. С. 181.

² Обзор судебной практики по результатам изучения рассмотренных в 2017 г. судами Самарской области уголовных дел о преступлениях, совершенных несо-

вершеннолетними // СПС «КонсультантПлюс»; Обзор судебной практики рассмотрения в первом полугодии 2016 г. районными (городскими) судами Нижегородской области уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних (на основе анализа дел о преступлениях, предусмотренных разделом VII УК РФ «Преступления против личности») // СПС «КонсультантПлюс».

³ Машинская Н.В. Цели участия педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Право и образование. 2015. № 5. С. 138.

⁴ Тетюев С.В. Педагог (психолог), участвующий в допросе несовершеннолетнего, и «иные» участники уголовного судопроизводства: общее и особенное // Российский юридический журнал. 2009. № 6 (69). С. 137–138.

не являются субъектами оценки доказательств. То же относится и к получению от несовершеннолетнего правдивых, полных и достоверных показаний, которое нередко отмечается среди задач педагога и психолога. Деятельность педагога и психолога может способствовать получению правдивых, полных и достоверных показаний, но сама по себе это задача следователя и дознавателя, а вывод о правдивости, полноте и достоверности показаний должен быть результатом их профессиональной деятельности по оценке доказательств, в том числе с учетом их совокупности. Будет чрезмерным ставить такие задачи перед педагогом и психологом. Конечно, ряд узких специалистов-психологов может знать методики и иметь практические навыки распознавания и преодоления лжи, но, во-первых, это умеет далеко не каждый привлекаемый к участию в производстве следственных действий педагог или психолог, во-вторых, вызывает вопросы достоверность сделанных ими выводов, в-третьих, оценивая показания несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого как неправдивые или недостоверные, педагог, психолог будет действовать вразрез с интересами несовершеннолетнего, в то время как участие педагога и психолога должно являться дополнительной гарантией обеспечения его прав.

Постановка задач перед педагогом и психологом осложняется стремлением исследователей найти баланс между задачами, направленными на помощь несовершеннолетнему и на помощь следователю и дознавателю. Полагаем, что участие педагога и психолога должно быть нацелено на защиту психологического здоровья несовершеннолетнего и должно приобрести большую значимость в качестве процессуальной гарантии обеспечения его прав, поэтому на первом месте, конечно, должны стоять психологическая помощь самому несовершеннолетнему и решение тех задач, которые этому способствуют.

Для выявления позиции следователей и прокуроров о задачах, стоящих перед педагогом и психологом при производстве следственного действия, мы провели анкетирование⁵. Большинство следователей (77%) ответили, что их задачей является содействие следователю, дознавателю в установлении психологического контакта с несовершеннолетним и постановке вопросов в процессе получения его показаний. Большинство прокуроров (66%) среди задач назвали содействие в получении от несовершеннолетнего полных и достоверных пока-

заний при обеспечении его нормального психологического состояния. При этом многие респонденты отмечали одновременно все или большинство ответов. То есть среди задач они видели и психологическую поддержку несовершеннолетнего, и его защиту от неблагоприятного психологического воздействия, а также помощь в формулировании вопросов на доступном и понятном для несовершеннолетнего языке.

Представляется правильным в данном случае говорить о комплексе задач, вытекающих из общей цели. Так, целью педагога и психолога, участвующего в производстве следственного действия, является обеспечение нормального психологического состояния несовершеннолетнего и недопущение неблагоприятного воздействия на него. Для достижения данной цели педагог и психолог могут решать следующие задачи: оказание психологической поддержки несовершеннолетнему; его защита от неблагоприятного психологического воздействия. Помимо этого, педагог и психолог могут решать ряд задач, направленных на создание благоприятной обстановки при производстве следственного действия, что также позволяет обеспечить нормальное психологическое состояние несовершеннолетнего. Среди таких задач: содействие в установлении психологического контакта между несовершеннолетним и следователем, дознавателем, а также помощь в постановке вопросов с использованием доступных и понятных для несовершеннолетнего формулировок. Исчерпывающим образом определить круг задач педагога и психолога сложно, поскольку они будут зависеть от множества обстоятельств конкретной ситуации. Поэтому педагог и психолог могут также решать и другие задачи, не выходящие за пределы их профессиональных знаний и умений и соответствующие целям их участия в следственном действии.

Решить обозначенные задачи и цели можно при наличии достаточного объема процессуальных прав, которых, к сожалению, не так уж много, к тому же действующий УПК РФ регламентирует их фрагментарно.

В статье 191 УПК РФ отсутствует регламентация прав педагога и психолога, участвующего в производстве следственных действий с несовершеннолетним свидетелем, потерпевшим. Как и другие лица, участвующие в следственном действии, педагог, психолог в соответствии с ч. 6 ст. 166 УПК РФ имеет право ознакомиться с протоколом следственного действия и сделать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Согласно части 5 ст. 425 УПК РФ, педагог и психолог при производстве допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Такой объем прав не позволяет педагогу и психологу решить поставленные перед ними задачи.

Перечень прав нуждается в дополнении. При проведении анкетирования мы задали респондентам вопрос

⁵ Анкетирование проводилось на базе факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, прокуратуры Вологодской области, института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета РФ, института повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, а также Следственного управления следственного комитета по Вологодской области и Следственного управления следственного комитета по Архангельской области. В анкетировании приняли участие 131 прокурорский работник и 190 следователей.

о том, какие права необходимо предоставить педагогу, психологу для реализации его задач. Самым популярным ответом среди прокуроров стало право заявлять ходатайства, связанные с недопущением негативного воздействия на личность несовершеннолетнего (объявление перерыва в следственном действии, отвод некорректного вопроса и т.д.) (30%). Среди следователей — право получать возмещение расходов, связанных с явкой к месту производства следственного действия, и вознаграждение за участие в нем согласно ч. 2 ст. 131 УПК РФ (27%).

В процессуальном законодательстве стран постсоветского пространства в основном закреплены такие же процессуальные права педагога и психолога, что и в УПК РФ. Однако имеется и некоторая специфика. Так, согласно п. 3 ч. 2 ст. 515 Уголовно-процессуального кодекса Туркменистана, педагог, психолог, участвующий при производстве процессуальных действий с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, может знакомиться с материалами, характеризующими несовершеннолетнего. Правда, данное правомочие реализуется по усмотрению следователя⁶. В соответствии с ч. 3 ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики психолог или педагог, присутствующий при допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, вправе делать замечания о нарушении прав и законных интересов несовершеннолетних, которые подлежат занесению в протокол следственного действия⁷. Аналогичная норма содержится в ч. 3 ст. 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь⁸. В статье 121 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан указывается, что при необходимости педагог или психолог, как и некоторые другие присутствующие при допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, имеет право переформулировать вопросы, не изменяя при этом их сути, с разрешения дознавателя, следователя, прокурора или суда⁹.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г. // ИС «Континент».

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. // ИС «Континент».

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. // ИС «Континент».

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. // ИС «Континент».

Опыт зарубежных государств может быть полезным для реформирования процессуального статуса педагога и психолога в нашей стране. Вполне обоснованным и необходимым для достижения цели участия педагога и психолога видится право знакомиться с материалами, характеризующими несовершеннолетнего, а также право не просто делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в протоколе записей, но и указывать на нарушение прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Полагаем, что в настоящее время существует необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования процессуального статуса педагога и психолога. УПК РФ целесообразно дополнить ст. 58.1, которая должна быть посвящена процессуальному статусу педагога и психолога при производстве следственного действия с участием несовершеннолетнего¹⁰. В данной статье должны найти отражение цели, задачи участия педагога и психолога в производстве следственных действий, а также их процессуальные права, среди которых: право знакомиться с материалами дела, характеризующими личность несовершеннолетнего; встречаться наедине с несовершеннолетним перед началом следственного действия для установления психологического контакта и определения психологических особенностей несовершеннолетнего; получать возмещение расходов, связанных с явкой к месту производства следственного действия, и вознаграждение за участие в нем согласно ч. 2 ст. 131 УПК РФ. Одной из наиболее важных для достижения целей педагога и психолога мы считаем предоставление права заявлять ходатайства, связанные с недопущением негативного психологического воздействия на личность несовершеннолетнего (объявление перерыва в следственном действии, отвод или переформулирование некорректного вопроса и т.д.). В отсутствие определенной правовой позиции и подготовительной работы с педагогом и психологом, к сожалению, гарантия их участия при производстве следственного действия становится простой формальностью и не способствует обеспечению прав несовершеннолетнего.

¹⁰ См. подробнее: Смирнова Г.Н. Педагог и психолог в уголовных делах с участием несовершеннолетних: проблемы правового регулирования и практики применения. С. 4216–4220.

Литература

1. Машинская Н.В. Цели участия педагога и психолога в досудебном производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Н.В. Машинская // Право и образование. 2015. № 5. С. 135–139.
2. Смирнова Г.Н. Вопросы участия педагога/психолога в допросе несовершеннолетнего / Г.Н. Смирнова // Проблемы использования специальных знаний в России и за рубежом. Москва : НИПКЦ Восход-А, 2013. 216 с.
3. Смирнова Г.Н. Педагог и психолог в уголовных делах с участием несовершеннолетних: проблемы правового регулирования и практики применения / Г.Н. Смирнова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 4216–4220.
4. Тетюев С.В. Педагог (психолог), участвующий в допросе несовершеннолетнего, и «иные» участники уголовного судопроизводства: общее и особенное / С.В. Тетюев // Российский юридический журнал. 2009. № 6 (69). С. 135–140.

Правовое положение детей-солдат в меняющемся миропорядке

Смирных Сергей Евгеньевич,
ученый секретарь
Российской Ассоциации международного права,
кандидат юридических наук
avtor@lawinfo.ru

В статье рассматриваются вопросы международно-правового положения детей-солдат в современном международном праве. Отмечается, что дети принуждаются к участию в вооруженных операциях с применением насилия. Добровольное зачисление детей в вооруженные силы обусловлено тем, что дети не знают других средств к существованию, кроме участия в войнах. Главной и универсальной гарантией осуществления прав детей в вооруженных конфликтах является международное право. Отдельные государственные служащие и их должностные лица не могут гарантировать права, поскольку они обязаны действовать в рамках национального законодательства. Только сотрудничество между государствами на основе Устава Организации Объединенных Наций способно обеспечить осуществление и защиту прав детей в вооруженных конфликтах.

Одной из важных гарантий защиты прав детей во время вооруженных конфликтов должно быть право на мир, что предполагает строгое соблюдение государствами запрета на ведение войн.

Ключевые слова: дети-солдаты, вооруженные конфликты, международное право, Устав Организации Объединенных Наций.

The Legal Position of Child Soldiers in the Changing World Order

Smirnykh Sergey E.
Academic Secretary of the Russian Branch of the International Law Association
PhD (Law)

The article deals with the issues of international legal status of child soldiers in modern international law. It is noted that children are forced to participate in armed operations with violence. Voluntary enlistment of children into the armed forces is conditioned by the fact that children know no other means of subsistence than participation in wars. The main and universal guarantee of the rights of children in armed conflict is international law. Individual civil servants and their officials cannot guarantee rights because they are obliged to act within the framework of national legislation. Only cooperation among states on the basis of the United Nations Charter can ensure the implementation and protection of children's rights in armed conflict.

The right to peace should be an important guarantee for the protection of children's rights during armed conflicts, which implies strict compliance by states with the prohibition of war.

Keywords: child soldiers, armed conflicts, international law, the Charter of the United Nations.

В современном мире дети все чаще вовлекаются в конфликты, которые ведут негосударственные субъекты: партизаны, террористы, банды преступников. Эти группы, использующие детей-солдат, нарушают нормы международного права и отказались от давно существующих запретов на терроризм, нападения на гражданское население, пытки, репрессии и рабство.

Следует иметь в виду, что будущее любой страны прямо зависит от благосостояния детей и возможностей для их безопасного существования и развития¹. Вооруженные конфликты ставят под угрозу права де-

тей и связаны с серьезными рисками для их развития и безопасности, в результате чего дети получают ранения, подвергаются эксплуатации, становятся сиротами, заключаются в тюрьмы. Вооруженные конфликты нарушают семейную жизнь, прерывают школьное образование, наносят ущерб здравоохранению, подрывают экономическое развитие и порождают страх, который ограничивает возможности детей свободно передвигаться и развиваться в качестве полноправных граждан.

В связи с этим необходимо иметь в виду, что одной из основных потребностей любого человека явля-

¹ Смирных С.Е. Право наиболее уязвимых групп населения на безопасное существование и развитие в непризнанных государствах // Международное сотрудничество

евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 3. С. 96.

ется потребность в безопасности, сохранении себя². Дети как одна из наиболее уязвимых групп населения особенно остро испытывают потребность в безопасности.

В ситуациях вооруженных конфликтов дети во всем помогают своим родителям, сражающимся с оружием в руках, и, как правило, направляют свои детские усилия на то, чтобы быть похожими на них³.

При этом понятие «ребенок-солдат» может показаться «неестественным сочетанием двух противоречивых и несовместимых терминов»⁴. И все же в истории существует множество примеров детей-солдат. В XIX в. К. Клаузевиц начал свою выдающуюся карьеру в армии Габсбургов в возрасте 12 лет в качестве младшего капрала. Сто лет спустя Дж. Оруэлл писал о гражданской войне в Испании, в которой «здесь и там, в ополчении, встречаются дети в возрасте одиннадцати лет, которые были зачислены в качестве ополченцев»⁵.

В XX в. изменилось восприятие детей, участвующих в вооруженных конфликтах, и были приняты договоры, протоколы и правила, которые служат нормативной основой для защиты прав детей, участвующих в вооруженных конфликтах. В настоящее время действует множество международно-правовых документов, направленных на предотвращение вовлечения детей в вооруженные конфликты⁶.

В современном мире по разным оценкам насчитывается 250–300 тыс. детей-солдат, некоторым из которых менее десяти лет, вовлеченных в более чем

30 конфликтов⁷. Фактически, согласно отдельным исследованиям, проведенным в Юго-Восточной Азии и Центральной Африке, средний возраст детей-солдат составляет менее 13 лет⁸. Их часто вербуют или похищают, а затем манипулируют ими для участия в жестоком насилии, направленном порой против их собственных общин и семей. И девочек, и мальчиков эксплуатируют для участия в действиях, которые они часто не могут понять.

Значительным изменением в вооруженных конфликтах является усиление присутствия и роли вооруженных оппозиционных групп и вооруженных сетей, с которыми государствам оказалось труднее вести борьбу, чем с традиционными конфликтами между странами⁹.

В настоящее время насчитывается более 30 вызывающих озабоченность ситуаций, в которых нарушаются права детей. За последнее десятилетие два миллиона детей были убиты в условиях вооруженных конфликтов, шесть миллионов детей стали инвалидами или получили ранения, более 14 миллионов детей оказались перемещенными лицами и более миллиона детей стали сиротами и разлучились со своими родителями. Свыше 250 000 детей связаны с боевыми силами и группами. И каждый год от 8 000 до 10 000 детей гибнут или получают увечья в результате подрыва на наземных минах¹⁰. Многие дети гибнут от катастрофических последствий конфликтов для инфраструктуры их общин (зачастую уже и без того слабых) и доступа семей к продовольствию, медицинскому обслуживанию и их способности сохранять средства к существованию.

Дети-солдаты часто являются не только жертвами. Они не умеют рассчитать свои силы и, открывая огонь без причины, слишком часто не задумываются о последствиях своих действий и о страданиях, причиняемых жертвам¹¹.

² Линдэ О.А. Человечество на распутье: образы будущего // Международное право и национальные интересы Российской Федерации / отв. ред. А.А. Ковалев, Б.Л. Зимненко. М.: Восток-Запад, 2008. С. 213.

³ См.: Алешин В.В. Правовое регулирование защиты детей во время вооруженных конфликтов // Московский журнал международного права. 1998. № 12. С. 132.

⁴ Rosen D. *Armies of the Young: Child Soldiers in War and Terrorism*. Rutgers University Press, 2005. P. 8.

⁵ Orwell G. *Homage to Catalonia*. Houghton Mifflin Harcourt, 1952. P. 26.

⁶ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (принят 08.06.1977, вступил в силу 07.12.1978) (Протокол I), статья 77(2); Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), статья 4; Заключение о правах ребенка, ст. 4; Римский статут Международного уголовного суда (принят 17.07.1998, вступил в силу 01.07.2002, Россия не участвует); Факультативный протокол II к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (принят 25.05.2000, вступил в силу 12.02.2002); Парижские принципы и руководящие указания в отношении детей, связанных с вооруженными силами или вооруженными группами (приняты в феврале 2007 г.) // URL: <http://docs.cntd.ru/>

⁷ Точное количество детей-солдат в мире остается неизвестным. В настоящее время, по оценкам ЮНИСЕФ, насчитывается около 250 000 детей-солдат, что меньше по сравнению с предыдущими оценками, составлявшими 300 000. Динамика зон конфликтов затрудняет точный учет. См. Factbox-Hotot points of child soldier recruiter. Reuters. 31 июля 2007 г. URL: <http://www.alertnet.org/thenews/newsdesk/L31815027.htm> (дата обращения: 24.06.2020).

⁸ Singer P.W. Western militaries confront child soldiers threat // *Jane's Intelligence Review*. 2005. Vol. 17. Iss. 1. P. 8–13.

⁹ Duffield M. War as Network Enterprise: The New Security Terrain and Its Implications // *Cultural Values*. 2002. Vol. 6. Iss. 1–2. P. 153–165.

¹⁰ Report of the Special Representative of the Secretary-General for Children and Armed Conflict. United Nations doc. A/60/335. 2005.

¹¹ Смирных С.Е. Взаимодействие международного гуманитарного и национального права в сфере защиты прав детей // *Вопросы ювенальной юстиции*. 2019. № 4. С. 13.

Во время вооруженных конфликтов дети принимают решения о том, как получить доступ к жилью, питанию, лекарствам и наилучшим образом обеспечить безопасность себя и членов своей семьи. Иногда единственным способом сделать это является поддержка различных политических партий, вооруженных групп или банд или присоединение к ним¹². При этом дети часто начинают верить в логику насилия, когда сталкиваются с несправедливой и насильственной обстановкой¹³.

В современном мире значительно большее число детей, чем в прошлом, играет главную роль в обеспечении средств к существованию своих семей. Иногда эта деятельность подвергает детей большой опасности и наносит ущерб их собственному образованию и развитию. Дети также берут на себя дополнительную ответственность за обеспечение безопасности своих семей и имущества. Следовательно, детей необходимо вовлекать в эту деятельность как активных участников, которые формируют свою собственную жизнь и общины, в которых они живут и работают.

Для предупреждения участия в вооруженных конфликтах дети из бедных городских районов должны иметь доступ к специальным программам обучения, трудоустройства и отдыха, особенно во время продолжительных школьных каникул. Молодые люди, которые бросают школу или происходят из неблагополучных семей, должны пользоваться социальными программами, которые помогают им развивать чувство собственного достоинства и уверенность, способствующую ответственной взрослой жизни.

С.С. Алексеев писал, что именно в детстве следует убедить человека в необходимости соблюдения социальных норм поведения, для того чтобы в будущем его не пришлось принуждать делать это посредством права¹⁴.

Участвуя в вооруженных конфликтах, дети могут совершать военные преступления, часто не осознавая этого. Международные трибуналы вправе привлекать детей-комбатантов к ответственности.

События на территории бывшей Югославии, повлекшие человеческие жертвы и нарушения международного гуманитарного права, способствовали тому, что Совет Безопасности Организации Объединенных Наций в чрезвычайном порядке образовал Международный трибунал для судебного преследования лиц,

ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. для разрешения в судебном порядке дел о серьезных нарушениях международного гуманитарного права¹⁵.

В настоящее время работает Комиссия по установлению истины и примирению, которая действует как элемент постконфликтного правосудия. Дети как особые субъекты международного права должны понимать, что они могут быть привлечены к ответственности за совершение военных преступлений.

В силу ст. 4 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающейся участия детей в вооруженных конфликтах (2000 г.)¹⁶, вооруженные группы, отличные от Вооруженных сил государства, ни при каких обстоятельствах не должны вербовать или использовать в военных действиях детей.

В силу ст. 17 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г.¹⁷ (далее — Женевская конвенция о защите гражданского населения) находящиеся в конфликте стороны должны заключать соглашения об эвакуации из осажденных или окруженных зон детей.

Согласно статье 23 Женевской конвенции о защите гражданского населения, государства должны предоставлять свободный пропуск всех посылок с медицинскими и санитарными материалами, а также предметами, необходимыми для религиозных культов, предназначенных только для гражданского населения.

Дети во время вооруженных конфликтов имеют право и на различные виды помощи. Так, в силу ст. 50 Женевской конвенции о защите гражданского населения оккупирующие державы должны с помощью национальных и местных властей оказывать содействие учреждениям, которым поручено попечение и воспитание детей, для того чтобы их работа протекала успешно.

Необходимо принимать все возможные меры для того, чтобы способствовать установлению личности детей и регистрации их родственных связей. В том случае, если местные учреждения не будут в состоянии выполнять эти функции, оккупирующие державы должны принимать меры по содержанию и обучению детей-сирот или детей, разлученных вследствие войны со своими родителями.

¹² Utas M. Fluid Research Fields: Studying Ex-Combatant Youth in the Aftermath of the Liberian Civil War // *Children and Youth on the Front Line: Ethnography, Armed Conflict and Displacement* / eds. J. Boyden, J. de Berry. New York & Oxford : Berghahn Book, 2004. P. 209–236.

¹³ Olson K.R. Children in the Grey Spaces Between War and Peace: The Uncertain Truth of Memory Acts // *Children and Youth on the Front Line: Ethnography, Armed Conflict and Displacement* / eds. J. Boyden, J. de Berry. New York & Oxford : Berghahn Book, 2004. P. 145–166.

¹⁴ Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 9.

¹⁵ Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М. : ПКонсультант, 2002. С. 22.

¹⁶ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml (дата обращения: 14.06.2020).

¹⁷ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны [рус., англ.] (Вместе с «Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях», «Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным») (Заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) // СПС «Консультант-Плюс».

В связи с этим была принята IV Женевская конвенция 1949 г. о защите гражданского населения во время войны¹⁸, которая закрепила положения, распространяющиеся на детей как на часть гражданского населения.

За время, прошедшее после Второй мировой войны, появилось большое количество новых видов конфликтов. Усложнились методы и средства ведения войн, появились новые виды оружия. Увеличилось количество вооруженных конфликтов, в которых официальные вооруженные силы государств противостоят комбатантам нерегулярных формирований и частным военным компаниям.

Необходимо иметь в виду, что наибольшие потери во время вооруженных конфликтов несет гражданское население, особенно дети. В связи с этим в 1974–1977 годах была проведена Дипломатическая конференция, которая дополнила и развила положения международного гуманитарного права в сфере защиты прав детей во время вооруженных конфликтов.

Международное гуманитарное право закрепляет положения о защите детей как лиц, не принимающих участия в военных действиях, и об особой защите как наиболее уязвимых лиц. Международное гуманитарное право также защищает детей, принимающих участие в военных действиях.

Во время вооруженных конфликтов дети относятся к категории лиц, которых защищают положения IV Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г.¹⁹ В связи с этим государства должны обеспечивать уважение к жизни детей, их физическую и психическую неприкосновенность, а также запрещение принуждений, телесных наказаний, пыток и т.д.

На детей должны распространять свое действие все нормы международного гуманитарного права, которые имеют отношение к ведению войн. В частности, во время вооруженных конфликтов дети имеют право на гуманное обращение. Не должно допускаться посягательств на их жизнь и физическую неприкосновенность.

Детям во время вооруженных конфликтов должны обеспечиваться необходимые забота и помощь. Так, дети должны получать образование, включая религиозное и нравственное воспитание, согласно пожеланиям их родителей.

Одной из важных проблем детей во время вооруженных конфликтов является сохранение целостности их семей. Стремление детей к приключениям способствует преодолению ими страха во время вооруженных действий. Дети не осознают угрозы военных

действий, если рядом с ними находятся родственники, олицетворяющие безопасность. Однако утрата семейных связей, привычного окружения и образа жизни оказывает на детей наиболее негативный эффект.

В связи с этим, согласно ст. 82 Женевской конвенции о защите гражданского населения, во время интернирования родители и их дети должны содержаться в одних и тех же местах интернирования, за исключением тех случаев, когда работа или здоровье делают временную разлуку необходимой. Интернированные родители могут требовать, чтобы их дети, оставшиеся на свободе без родительского попечения, были интернированы вместе с ними.

Во всех возможных случаях интернированные члены семей должны содержаться в одних помещениях и жить отдельно от других интернированных. Им должны быть также предоставлены необходимые возможности для того, чтобы вести семейную жизнь.

Интернированным детям следует обеспечивать возможности для занятий физическими упражнениями, спортом и спортивными играми на открытом воздухе. Во всех местах интернирования детей для этих целей должны быть отведены свободные площади для детей и подростков.

Следует отметить, что противоречие между международным гуманитарным правом и международным правом прав человека, особенно с точки зрения допустимого возраста комбатантов, привело к отсутствию правовой защиты от вербовки в вооруженные силы или вооруженные оппозиционные группы для наиболее уязвимой возрастной группы — детей от 15 до 18 лет. Кроме того, международное гуманитарное право и международное право прав человека отличаются друг от друга с точки зрения правовой защиты детей, которые были добровольно завербованы в вооруженные силы, и тех, кто выполняет функции военной поддержки, т.е. не принимает непосредственного участия в боевых действиях.

Эти пробелы и несоответствия в правовой базе защиты искажаются в процессе эволюции правовых норм в международное обычное право. С одной стороны, имеются убедительные доказательства того, что запрет на использование детей в возрасте до 15 лет в вооруженных конфликтах приобрел статус обычая. В 2004 г. Апелляционная палата Специального суда по Сьерра-Леоне указала, что запрет на вербовку детей приобрел характер обычного международного права²⁰.

В исследовании Международного комитета Красного Креста отмечается обычный характер положений международного права, которые направлены на предотвращение и искоренение практики использования детей-солдат в вооруженных конфликтах. В исследовании отмечается, что «вербовка детей запрещена в ряде военных уставов, включая те, которые

¹⁸ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 204–278, 280.

¹⁹ URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> (дата обращения: 14.06.2020).

²⁰ Суд по Сьерра-Леоне. SCSL-2004-14-AR72(E). Апелляционная палата. 2004. 31 мая.

применимы в вооруженных конфликтах немеждународного характера. Она также запрещена законодательством многих государств»²¹.

Еще одним важным свидетельством запрета вербовки детей-солдат для участия в вооруженных конфликтах являются многочисленные резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. С 1999 г. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принял девять резолюций²², которые создали нормативную базу для защиты детей, затронутых вооруженными конфликтами, предоставив, таким образом, «источники информации — признанные источники права в виде государственной практики, свидетельствующей о существовании обычаев»²³. Однако Совет Безопасности Организации Объединенных Наций не только продемонстрировал доказательство практики вербовки детей для участия в вооруженных конфликтах, но и внес свой вклад в изменение понимания нормы и, следовательно, ее отождествления с обычным правом. Вербовка детей в вооруженные силы постепенно вновь приобретает актуальность в качестве проблемы, которая рассматривается как прямая угроза миру и безопасности²⁴, и запрещение этой практики имеет решающее значение для поддержания порядка, основанного на Уставе Организации Объединенных Наций.

Следует отметить, что на практике бывает трудно провести границу между гражданскими лицами и комбатантами в вооруженных конфликтах. Согласно пункту 2 ст. 77 Протокола I, стороны, находящиеся в конфликте, должны предпринимать все возможные меры для того, чтобы дети, не достигшие пятнадцатилетнего возраста, не принимали непосредственного участия в военных действиях, и воздерживаться от вербовки их в свои вооруженные силы. При вербовке из числа лиц, достигших пятнадцатилетнего возраста, не достигших восемнадцати лет, стороны, участвующие в конфликтах, должны стремиться отдавать предпочтение лицам более старшего возраста.

²¹ Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L., Alvermann C. (eds). *Customary International Humanitarian Law: Rules*. Vol. 1. Cambridge University Press, 2005.

²² United Nations Security Council (UNSC), Security Resolution 2143 (7 March 2014) UN Doc S/RES/2143 reaffirming its resolutions: UNSC Res 1261 (25 August 1999) UN Doc S/RES/1261; UNSC Res 1314 (11 August 2000) UN Doc S/RES/1314; UNSC Res 1379 (20 November 2001) UN Doc S/RES/1379; UNSC Res 1460 (30 January 2003) UN Doc S/RES/1460; UNSC Res 1539 (22 April 2004) UN Doc S/RES/1539; UNSC Res 1612 (26 July 2005) UN Doc S/RES/1612; UNSC Res 1882 (4 August 2009) UN Doc; UNSC Res 1998 (12 July 2011) UN Doc S/res/1998; UNSC Res 2068 (19 September 2012) UN Doc S/RES/2068.

²³ Higgins R. *The United Nations and Law-making: The Political Organs* // *The American Journal of International Law*. 1970. Vol. 64. Iss. 4. The United Nations: Appraisal at 25 Years (September 1970). P. 38.

²⁴ UNSC Report, *Cross-Cutting Report: Children and Armed Conflict*. 2008. P. 4.

Необходимо обратить внимание на то, что в силу Конвенции о правах ребенка 1989 г.²⁵ государства обязаны уважать нормы международного гуманитарного права, применимые к ним в случае вооруженных конфликтов и имеющие отношение к детям, и обеспечивать их соблюдение.

Согласно своим обязательствам по международному гуманитарному праву, связанным с защитой гражданского населения во время вооруженных конфликтов, государства обязаны принимать все возможные меры с целью обеспечения защиты затрагиваемых вооруженным конфликтом детей и ухода за ними.

Следует иметь в виду, что в международном уголовном праве, которое было введено в действие постановлением Римского статута Международного уголовного суда 1998 г.²⁶, вербовка и использование детей-солдат были объявлены наказуемыми военными преступлениями. При этом в ст. 1 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах (2000 г.)²⁷, было закреплено положение о том, что минимальный возраст вербовки в вооруженные силы составляет 18 лет.

В связи с этим необходимо отметить, что под детьми-солдатами в современном международном праве представляется возможным понимать лиц, не достигших 18 лет, добровольно или принудительно принимающих участие в вооруженных конфликтах.

В заключение следует отметить, что государствам необходимо стремиться защищать детей от вербовки для участия в вооруженных конфликтах. Детям должна быть предоставлена возможность самим решать вопрос об их участии в военных действиях, этот выбор должен быть осознанным, и таким детям должны быть предложены альтернативы. Если дети принимают участие в военных действиях, то после окончания конфликтов эти дети не смогут рассматриваться как лица, способные принести пользу обществу, даже если будет доказано, что государства содействуют реабилитации и преодолению травм, полученных детьми во время участия в вооруженных конфликтах.

Представляется, что государствам необходимо принимать целенаправленные меры в отношении правительств и групп, признанных виновными в систематическом совершении любых грубых нарушений прав детей во время вооруженных конфликтов. Целенаправленные меры для защиты прав детей могут включать:

²⁵ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (Принят в г. Нью-Йорке 25.05.2000 Резолюцией 54/263 на 97-м пленарном заседании 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ. 2009. № 6. Ст. 679.

введение ограничений на поездки лидеров правительств и повстанцев, виновных в вербовке детей-солдат; введение эмбарго на поставки оружия; запрет на

оказание военной помощи; ограничения на приток финансовых ресурсов; исключение лидеров правительств и повстанцев из любых структур управления и т.д.

Литература

1. Алексеев С.С. Право: время новых подходов / С.С. Алексеев // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 3–11.
2. Алешин В.В. Правовое регулирование защиты детей во время вооруженных конфликтов / В.В. Алешин // Московский журнал международного права. 1998. № 12. С. 128–134.
3. Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития / Н.И. Костенко. Москва : РКонсультант, 2002. 439 с.
4. Линдэ О.А. Человечество на распутье: образы будущего / О.А. Линдэ // Международное право и национальные интересы Российской Федерации / ответственные редакторы А.А. Ковалев, Б.Л. Зимненко. Москва : Восток-Запад, 2008. 469 с.
5. Смирных С.Е. Взаимодействие международного гуманитарного и национального права в сфере защиты прав детей / С.Е. Смирных // Вопросы ювальной юстиции. 2019. № 4. С. 11–13.
6. Смирных С.Е. Право наиболее уязвимых групп населения на безопасное существование и развитие в непризнанных государствах / С.Е. Смирных // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 3. С. 88–102.

References

1. Duffield M. War as Network Enterprise: The New Security Terrain and Its Implications / M. Duffield // Cultural Values. 2002. Vol. 6. Iss. 1–2. P. 153–165.
2. Higgins R. The United Nations and Law-making: The Political Organs / R. Higgins // The American Journal of International Law. 1970. Vol. 64. Iss. 4. The United Nations: Appraisal at 25 Years (September 1970). P. 37–48.
3. Olson K.R. Children in the Grey Spaces Between War and Peace: The Uncertain Truth of Memory Acts / K.R. Olson // Children and Youth on the Front Line: Ethnography, Armed Conflict and Displacement / eds. J. Boyden, J. de Berry. New York & Oxford : Berghahn Book, 2004. 304 p.
4. Orwell G. Homage to Catalonia / G. Orwell. Houghton Mifflin Harcourt, 1952. 232 p.
5. Rosen D. Armies of the Young: Child Soldiers in War and Terrorism / D. Rosen. Rutgers University Press, 2005. 216 p.
6. Singer P.W. Western militaries confront child soldiers threat / P.W. Singer // Jane's Intelligence Review. 2005. Vol. 17. Iss. 1. P. 8–13.
7. Utas M. Fluid Research Fields: Studying Ex-Combatant Youth in the Aftermath of the Liberian Civil War / M. Utas // Children and Youth on the Front Line: Ethnography, Armed Conflict and Displacement / eds. J. Boyden, J. de Berry. New York & Oxford : Berghahn Book, 2004. P. 209–236.

Уважаемые коллеги!

Вышел в свет ежегодный сборник «Научные труды РАЮН», выпуск 20. В сборнике опубликованы доклады участников по итогам XX Международной научно-практической конференции «Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов», организованной Юридическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академией юридических наук, Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина, Московским отделением Ассоциации юристов России, при участии органов законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных объединений юристов, юридических вузов и научных учреждений права, которая состоялась в Москве 26–29 ноября 2019 года.

Сборник содержит следующие разделы:

- Теория и история государства и права. История правовых и политических учений
- Конституционное и муниципальное право
- Административное право. Финансовое право
- Международное право
- Гражданское право. Семейное право
- Гражданский и арбитражный процесс
- Информационное право
- Право интеллектуальной собственности
- Предпринимательское право
- Трудовое право. право социального обеспечения
- Природноресурсное право. Экологическое право
- Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право
- Уголовный процесс. Прокурорский надзор
- Судебная экспертиза. криминалистика. Оперативно- розыскная деятельность
- Адвокатская практика

Сборник предназначен для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов юридических вузов.

С полной версией сборника можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.

